

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

**ИЗ РАЗВИТОГО
В ДИКИЙ
НЕЛЕПЫЕ ШАГИ**

КНИГА ВТОРАЯ

Анатолий Зарецкий

Из развитого в дикий нелепые ШАГИ. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17716527

ISBN 978-5-4474-4845-5

Аннотация

Вот уже несколько часов я лежал без сна. Да и какой сон у приговоренного к смерти... Я не испытывал ужаса, который охватил меня в кошмарном сне, где меня тоже приговорили... Но то было во сне, а теперь это вдруг стало жуткой реальностью. И ведь ни у одного из заговорщиков не дрогнет сердце: для бывшего «кагэбэшника» это привычная работа, а для новоиспеченного капиталиста – первый опыт неприятного, но зато экономически выгодного способа решения запутанных проблем.

Содержание

Глава 24. Власов и власовцы	5
Глава 25. Слово офицера?	39
Глава 26. Банковская гарантия	78
Глава 27. Медвежья услуга	104
Глава 28. Нексия раздора	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Из развитого в дикий
нелепые ШАГИ
Книга вторая
Анатолий Зарецкий**

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 24. Власов и власовцы

Через неделю мы получили подписанный лизингодателем договор. К нему прилагался перечень российских банков, гарантии которых могли быть приняты немецкой стороной. С большинством из перечисленных банков уже имел дело и знал, что там мы никаких гарантий не получим. Того же мнения был и Коробкин.

Взвесив все «за» и «против», выбрали «Уникомбанк», который входил в двадцатку лидеров и был известен как правительственный банк московской области. Именно об этом банке говорил и Пискунов, потребовавший открыть счет в его Пороховском отделении.

Согласовав свой выбор с господином Пельманом, прежде всего, обратился к Гусеву.

– Ну, наконец, Толя что-то конкретное. Конечно, помогу. Сегодня же переговорю с Вольским, – пообещал он, выслушав мой отчет о достижениях.

Не очень рассчитывая на помощь Вольского, решил двигаться прямым путем, то есть для начала стать клиентом банка. Тут же встал вопрос о главном бухгалтере.

– Сергей Львович, у вас есть на примете подходящий главный бухгалтер? – спросил Коробкина.

– Людмила... Только вряд ли она согласится. Она и так достаточно загружена, – ответил он, но тут же, на всякий слу-

чай, позвонил.

– Вам что, нужен главный бухгалтер? – сходу сообразил вошедший без доклада Пискунов, уловивший суть телефонных переговоров Коробкина, – Нет проблем. Есть надежнейшая кандидатура. Моя сестра, – сказал он.

– Кто? – тут же оторвался от телефона Коробкин.

– Моя сестра. Она работает бухгалтером на заводе. Хотел назначить ее главным бухгалтером, но, если вам надо, Сергей Львович, готов уступить. В «Уникомбанке» ее знают. Так что смотрите.

– Ну, как, Анатолий Афанасьевич? – спросил Коробкин, вешая трубку, – Людмила не согласилась, – проинформировал он.

– Мне все равно, Сергей Львович. На данном этапе это фигура условная. А пойдут обороты, посмотрим.

– Какая условная?! Что значит, посмотрим?! – мгновенно вспыхнул Пискунов, – Ты наверно свою дочь хочешь пристроить, Анатолий? – выдвинул он нелепейшее предположение.

– Дурак ты, Вова, – не раздумывая, ответил ему, – Согласен, – тут же мгновенно предвосхитил его реакцию на оскорбление.

– Давно бы так, – поразмыслив, сказал Пискунов и, натянуто улыбнувшись, протянул руку в знак примирения...

В течение недели мы открыли счет в Пороховском отде-

лении «Уникомбанка».

– Отлично, Анатолий Афанасьевич... Очень вовремя. «Невпроекту» надо срочно сбросить деньги. Похоже, фирму придется закрыть, – думая о чем-то своем, невольно проговорился Коробкин. Сидевший рядом со мной Пискунов буквально подпрыгнул от такой новости, но, взяв себя в руки, тут же толкнул меня в бок:

– Тихо, – шепнул он, – Потом поговорим.

– Анатолий Афанасьевич, сколько там требуется на первый платеж Пельману? – спросил Коробкин, все еще не вышедший из состояния прострации.

– Шестьсот тысяч долларов, – ответил ему.

– Так, – уткнулся он в калькулятор, – Это примерно три ярда и двести лимонов. Хорошо, – улыбнулся он, – Здравствуйте, Владимир Александрович, – вдруг заметил он Пискунова.

– Здравствуйте, Сергей Львович, – с иезуитской улыбочкой пожал тот протянутую руку Коробкина.

О чем хотел поговорить со мной Пискунов, так и не узнал, но мне кажется, именно в тот момент, когда проговорился Коробкин, и родилась его первая мошенническая схема, которая и стала прелюдией к развалу наших отношений.

А через неделю я получил заказное письмо из «Уникомбанка»:

«Уважаемый Анатолий Афанасьевич! Извещаем, что на ваш расчетный счет поступили три миллиарда шестьсот

миллионов рублей».

Я ликовал – лед тронулся: мы миллиардеры, хоть и рублевые.

Вечером позвонил Пискунов:

– Ты в курсе, что в Пороховский банк поступили деньги?

– Нет, – соврал ему.

– Три с половиной миллиарда, – с придыханием произнес он.

– Ничего себе, – делано восхитился я.

– Говорил, у этого хорька есть деньги, а ты не верил, – в очередной раз упрекнул кум, – Что будем делать? – спросил он.

– А что надо делать?

– Как что?! Осваивать! – взревел кум, – Мы не освоим, другие найдутся... Там уже идет заседание районной администрации. Решают, что делать с такими деньжищами... Мы сейчас с тобой самые богатые люди в районе. Да и братва уже в курсе, – забросал он несусветной информацией.

Причем здесь районная администрация? Кто ей сообщил о переводе денег? На каком основании она что-то решает? Кто известил «братву», и каковы ее планы?.. Настроение резко упало:

– Володя, мы же собирались создавать производство... Разве не так?

– Так-так, но и нам же должно что-то перепасть, – суетился кум.

– То есть ты предлагаешь часть денег украсть? – спросил его открытым текстом.

– Украсть или взять, какая разница. Ты думаешь, Коробкин их честно заработал? Зачем ему тогда понадобилось срочно закрывать фирму? Подумай, Толик, – горячился кум.

Но я уже не мог сдержать душившего меня смеха:

– Вор у вора дубинку украл... Ха-ха-ха... Ха-ха-ха, – смеялся я до тех пор, пока ни услышал прерывистых гудков в телефонной трубке, брошенной мной на стол...

– Сергей Львович, деньги поступили, – известил Коробкина прямо с утра, – Надо немедленно что-то делать, – косвенно высказал ему свои опасения.

– Пискунов? – понимающе спросил он. Я кивнул, – Вот напасть, Анатолий Афанасьевич... Сколько уже создал предприятий, и в любом хоть одна такая мерзость, но найдется... Вот и приходится бросать одно за другим... Что обидно, мои же ученики. Я им экономику преподавал. Научил на свою голову... Но, похоже, это где-то глубже лежит, на уровне инстинктов... Урвать лимон, а дальше трава не расти... Работать не хотят.

– Это точно, – подтвердил, припомнив стайку «пискуновской братвы».

– Открывайте валютный счет, Анатолий Афанасьевич, и конвертируйте часть денег в валюту. Придется отправлять Пельману, не дожидаясь банковских гарантий, – принял ре-

шение Коробкин...

– Тебе целый день звонят из «Уникомбанка», – сообщила жена, – Сказали, еще позвонят.

Звонок не заставил себя ждать:

– Анатолий Афанасьевич, вы не могли бы прямо с утра подъехать в наш центральный офис? – спросил некто Пашвыкин, представившийся вице-президентом «Уникомбанка».

– Если вам очень надо, подъеду. Только, где это? – спросил его.

– Даев переулок... Там увидите. Здание сразу бросается в глаза... А надо это в первую очередь вам, Анатолий Афанасьевич, – озадачил Пашвыкин...

Прямо с утра довольно быстро отыскал Даев переулок. Модерновое здание «Уникомбанка» действительно было самым заметным сооружением. Впрочем, не только этого переулка... Еще более интересным оно оказалось внутри. Огромный холл под стеклянной крышей создавал иллюзию, что нахожусь во дворе-колодце многоэтажного дома с лоджиями, обращенными внутрь. Ухоженный дворик с фонтаном и пальмами в кадках живо напомнил о далеких южных городах.

«Как можно работать в таком оазисе? Сюда бы еще море за углом», – подумал после того, как увидел троих молодых людей в ресторанной униформе, кативших куда-то солидное сооружение на колесиках, до отказа заполненное бутылками

шампанского и хрустальными вазами с роскошными фруктами.

Впрочем, лифтом-сейфом, мгновенно доставившим меня на нужный этаж, меня уже было не удивить. А скромная приемная вице-президента с заурядным евроремонтом в бело-серых тонах вообще разочаровала.

«Похоже, в этом банке каждый третий вице-президент. Где уж на такую ораву набраться нормальной мебели, секретарш и шампанского», – подумал я.

Впрочем, у Пашвыкина секретарь все-таки была. Отдал ей визитку и утонул в стандартном кожаном кресле для посетителей.

– Проходите, Анатолий Афанасьевич, – не дала насладиться уютом секретарь.

– Станислав Валентинович, – представился вице-президент, – Скажите, Анатолий Афанасьевич, как вы с такими деньгами оказались в нашем филиале?

– Волей случая. Наш Пороховский опытно-механический завод ваш клиент.

– Вы намерены восстановить производство?

– Не восстановить, а переориентировать. У нас контракт на закупку итальянского оборудования и лизинговый договор с немцами. А денег хватает только на первый взнос лизингодателю. Так, скромный взнос нашего инвестора.

– А кто ваш инвестор?

– Акционерное общество «Невпроект».

– Судя по названию, Ленинград?

– Угадали.

– Что ж, планы большие... Тем более ваш счет должен быть у нас, в центральном офисе. Я так понимаю, вам в скором времени потребуется валюта?

– Уже завтра.

– А филиалы не ведут валютных операций. Это наша привилегия... Поэтому, Анатолий Афанасьевич, рекомендую вам срочно перевести ваш счет к нам. Для этого вам всего лишь требуется написать заявление на мое имя. Кстати, оно уже готово. Надеюсь, печать у вас с собой?

– Разумеется.

– Чудненько, – заключил Пашвыкин, когда я расписался и поставил печать, – Через день зайдите к секретарю и узнайте ваши новые реквизиты. Деньги уже будут здесь. Сразу же можете написать заявление о покупке валюты.

Я поблагодарил вице-президента за оперативность, и облегченно вздохнув, покинул центральный офис. Пусть теперь администрация района и «братки» решают, что угодно. Уже завтра наши деньги в Порохово растворятся без остатка, а счет будет закрыт...

– Молодец, что зашел, – радостно встретил меня Гусев, – Вольский переговорил с Тяжловым и Власовым. Обещают помочь. Тебе надо встретиться с Власовым и объяснить си-

туацию.

– Кто такой Власов?

– Да ты что, Толя? Стыдно не знать таких людей.

– Стыдно, Георгий, но действительно не знаю.

– Первый зам Тяжлова. Он же председатель совета директоров «Уникомбанка»... Если убедишь, дело в шляпе.

– Попробую... А как к нему попасть?

– Я тебя записал на завтра. Время приема узнаю с утра. Так что приезжай, – пригласил Гусев, – Но это еще не все. Тут прямо над нами офис Лебедева. Так у него там такая дама гуляет... Кстати, экономистка. Сейчас пробивает какую-то лотерею, вроде спортивной... Говорит, если удастся, денег будет вагон и маленькая тележка.

– Так они и отцепят нам ту тележку. Так что, Георгий, толку от вашей экономистки никакого.

– Не скажи... Говорит, у нее связи в «Уникомбанке». Все может пробить, минуя руководство... Так что, Толя, можно попробовать действовать с двух сторон. Пойдем, я тебя с ней познакомлю, – предложил он...

Дама оказалась под стать своему начальнику – с гонором. Окинув нас презрительным взглядом, спросила:

– А вы хоть знаете, что такое бизнес-план, Анатолий Афанасьевич?

– Хоть знаю, – ответил ей.

– Я вполне серьезно. Здесь никто этого не знает. Даже

мой шеф.

– Верю, – ответил ей и достал вариант документа, который всегда носил с собой, – Посмотрите, но это единственный вариант. Я вам его отдать не могу.

Вероника, как представилась девушка, тут же принялась с интересом листать документ.

– А можно я сделаю ксерокопию? – минут через пять спросила она.

– Зачем?

– Вы хотите, чтоб я вам помогла?

– У вас есть такая возможность?

– Есть. К тому же с вашим бизнес-планом, мне кажется, проблем не будет. У вас действительно хороший бизнес-план.

– Анатолий Афанасьевич сам его сделал, – похвалил меня Гусев.

– Да-а-а? – удивилась Вероника, – А что вы кончали?

– Чего я только ни кончал, – ответил ей.

– Вы экономист?

– Вот чего нет, того нет.

– Странно. Все показатели проекта говорят об обратном.

– Бог с ними, с показателями. Как мне вас благодарить, если что получится?

– Благодарность мы определим потом в виде циферки с тремя нулями. А циферку сами поставите, какую сочтете нужной... Идет?

– Идет, – ответил ей.

Через час, сняв копию, Вероника вернула мой документ:

– Завтра же приступаю к работе, – объявила она...

Вечером позвонил Пискунов:

– Слушай, Толя, я тут был у одного деятеля, так он сказал, что вопрос с гарантией можно решить через Власова. Знаешь такого?

– Знаю.

– Откуда? – удивился кум.

– Стыдно не знать таких людей, – ответил ему словами Гусева.

– В общем, мне дали телефон его секретаря-референта. Давай завтра попробуем прорваться.

– Давай, – согласился я, – Кстати, Гусев уже записал меня на прием, причем, именно на завтра.

– А ты что же молчишь?! – возмутился кум.

– Ты меня опередил, – косвенно похвалил его.

– Вот видишь. Я тоже что-то могу, – оттаял Пискунов.

– Можешь-можешь, – подтвердил я, – Приезжай завтра к Гусеву, – пригласил его.

– Это к тому чокнутому политику?

– К нему... Он теперь на Старой Площади сидит, где Вольский.

– Да ты что, Толя? Я боюсь с ним встречаться. Опять начнет агитировать.

– Не начнет... Да он тебя уже давно забыл. Я тебя заново представлю, – пообещал ему...

В тот день прием у Власова начался в восемнадцать ноль-ноль. Мы подошли к секретарю-референту, и Пискунов передал ему привет от какой-то влиятельной личности.

– Сейчас подумаю, как вас протолкнуть, – засуетился чиновник.

– Не надо думать. Я записан на прием, – показал ему свою фамилию в его списке, – Добавьте туда Пискунова, директора Пороховского завода. Мы с ним по одному делу.

– Это хорошо, – обрадовался секретарь, – Попробую вас продвинуть вперед, – пообещал он.

Продвинул он нас, или нет, но к Власову мы попали около восьми вечера.

– Я буду докладывать, – оттолкнул меня Пискунов и первым вошел в кабинет высокого руководителя, – Директор Пороховского опытно-механического завода Пискунов Владимир Александрович, – по-военному представился он.

– Так-так... Тут у меня записан Зарецкий, – обратился зам губернатора к референту, вошедшему вместе с нами.

– Я Зарецкий, – представился ему, – Мы по одному вопросу.

– Хорошо, – согласился Власов, – Докладывайте, – обратился он ко мне.

– Я доложу, – бесцеремонно врезался Пискунов и, не до-

ждавшись одобрения, понес такую чушь, что помощник Власова остановился в недоумении, прекратив вести свои записи. Минуты через три Власов не выдержал:

– Извините, товарищ Пискунов, я вас не понимаю... А вы можете что-нибудь сказать по существу? – обратился он ко мне, – Или у вас один докладчик?

– У нас одно дело, но мы представляем разные организации, – ответил ему и двумя фразами пояснил суть нашей проблемы.

– Вот теперь понятно, – подтвердил Власов, – Непонятно другое, товарищ Зарецкий. Почему область должна вам помогать? У вас же частное предприятие.

– Мне почему-то казалось, что вы должны быть заинтересованы в улучшении жизни ваших жителей. Пусть пока в Порохово... А мы это гарантируем. Наше производство не просто рентабельное, а высокорентабельное.

– Очень хорошо. Вы и будете обогащаться... Причем здесь наше население?

– Зарплата наших работников планируется выше средней по району. За нами вынужденно потянутся другие предприятия... А налоги?.. Наше предприятие ничего не просит от области, а будет неплохо пополнять областной бюджет.

– Как это не просит? – улыбнулся Власов, – Вы же пришли к нам не с деньгами, товарищ Зарецкий, а с просьбой.

– Именно с деньгами, Виктор Васильевич. На нашем счете в Пороховском филиале «Уникомбанка» уже сосредоточены

три миллиарда шестьсот миллионов рублей. Администрация района второй день заседает по поводу этих денег.

– Не понимаю. Причем здесь районная администрация? – удивился Власов.

– Я тоже не понимаю. Думаю, не причем. Но она, видимо, не согласна с нами, – заявил я под дружный смех присутствующих.

– Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Вы подготовили заявление?

– А как же, – передал ему документ, который написал по рекомендации многоопытного Гусева.

– Хорошо. В течение недели получите ответ, – пообещал первый заместитель губернатора Московской области...

– Вова, я так и не понял, что ты хотел сказать Власову? – спросил Пискунова уже в коридоре.

– Не понял он... Умные вы очень... Я по-простому хотел объяснить, что если они не поддержат завод, мы загнемся... Мы и так банкроты, а если люди останутся без работы, они им покажут.

– Вова, но мы же не за этим приходили. Власов, как администратор, контролирующий правительственный банк, может и должен нам помочь с банковской гарантией. Это взаимовыгодно. Вот и все.

– Любишь ты умничать, Толик... Да и этот хореk такой же... Вот увидишь, пока ни подмажем, никто нам не по-

может, – предложил он свой способ разрешения проблемы...

Неделя пролетела в приятных хлопотах, в результате которых у нас появилась валюта в сумме шестисот тысяч долларов, а на новом счете еще осталось около четырехсот миллионов рублей. Скандал разгорелся в конце недели:

– Кто тебе дал право распоряжаться деньгами?! – коршуном налетел на меня Пискунов, – Ты хоть представляешь, кем меня теперь считают в Порохово?! Да там уже все деньги распределили, а они вдруг бах и исчезли... Ты зачем закрыл счет?! – неистовствовал возмущенный кум.

– Может, ты перестанешь орать и начнешь слушать? – спросил его.

– Что тебя слушать? Тебя гнать надо из директоров!.. Так и поставлю вопрос перед Коробкиным.

– Ставь... Он лично распорядился покупать валюту.

– Коробкин?... А он, почему распоряжается? У нас с тобой восемьдесят процентов.

– Не восемьдесят, а пятьдесят пять.

– Какая разница. Все равно у нас больше, чем у него.

– Вова, ты уверен, что в этом вопросе я буду на твоей стороне?

– А на чьей же? – задохнулся от возмущения Пискунов, – Мы должны быть одним кулаком, чтобы очистить этого проходимца... Ты же обещал ребятам.

– Что я обещал, Вова? Каким ребятам?

– Не называй меня Вовой! Надоело... Я Владимир Алек-

сандрович, – прорвало его вдруг, – Ты забыл, кто такой Султан? Можно и напомнить, – перешел он к откровенным угрозам.

– Вова, запомни раз и навсегда... Никаким Султанам, Иванам и Петькам Косым я ничего никогда не обещал... Это у тебя какие-то обязательства... А меня к ним не примазывай... В этом плане мы с тобой не один кулак, потому что я хочу строить, а у тебя, похоже, противоположное желание... Так что, пока не поздно, давай разойдемся по-тихому.

– Что значит разойдемся?.. Ты меня втянул в это дело. Я для тебя захватил завод и содержу его... Знаешь, чего мне это стоит?

– Вова, не смейся... Для завода ты пока не сделал ничего, хотя и воображаешь себя директором. И денег ты туда не вложил ни копейки. Зато от Гарбера и Коробкина уже получил сверх меры.

– Что ты знаешь?! – снова задохнулся Пискунов, – Ты давно был на заводе? Приезжай, посмотри, а не болтай зря.

– Приеду, когда надо будет, – ответил ему, всем видом продемонстрировав, что наш разговор окончен...

– Нет, Толик, ты так просто от меня не отделаешься, – снова навалился Пискунов, – Объясни, зачем ты закрыл счет в Порохово, и где наши деньги? Администрация и братва из себя вышли, когда узнали, что деньги исчезли. Меня спрашивают, а я ни ухом, ни рылом.

– Вот поэтому и надо было закрыть счет... Слишком прозрачные стены у вашего Пороховского банка.

– А ты что хотел? Это же деревня.

– Хочу, чтобы о наших делах как можно меньше знала ваша администрация, а уж тем более ваша братва... Кстати, закрыл счет и перевел деньги не я, а центральный офис «Уникомбанка». Такие деньги не для филиалов. И валютой филиалы не занимаются.

– Ага... Значит, у нас теперь счет в центральном офисе?

– В центральном.

– Это хорошо, – внезапно обрадовался Пискунов, – А моя подпись там есть?

– Есть... Все формуляры, оформленные в Порохово, действительны и здесь.

– Это хорошо, – повторил Пискунов, загадочно улыбаясь...

С тех пор, как мы встречались с Власовым, прошла неделя. Мимоходом зашел к его секретарю-референту.

– Пока ничего нет, Анатолий Афанасьевич. Ждите, – ответил он...

Вечером позвонил Пискунову:

– Слушай, Володя, от Власова пока ничего. Надави там на своих «власовцев», может, поторопят?

Через час позвонил кум:

– Подъезжай завтра к одиннадцати на Старую Площадь.

Передадим привет от кое-кого. Зачешутся они у нас, – распетушился он...

В одиннадцать мы уже вошли в подъезд администрации Московской области.

– Слушай, как этого хмыря зовут? – спросил Пискунов, когда мы уже поднялись на нужный этаж.

– Какого хмыря?

– Да этого секретаришку.

– Ты ему приветы передавал, Вова... Обязан знать.

– Нужен он мне.

– А мне тем более.

– Неудобно как-то. Надо узнать. Пошли пока в другую сторону. Посидим. Может, у кого спросим?

– Не морочь себе голову. У него и спросим.

– Не понимаешь ты ничего в дипломатии, Толик, – неожиданно рассмешил меня «дипломат» Пискунов, – Извините, вы не подскажете, как зовут секретаря-референта Власова? – остановил он важно шествовавшего куда-то немолодого чиновника, словно возникшего из той еще советской поры, кажущейся уже такой далекой.

– Подскажу, – неожиданно обрадовался чиновник, – А он вам зачем?

– По делу, – раздраженно ответил Пискунов.

– Вы не обижайтесь, молодой человек. Я не из праздного любопытства, а от жутчайшей скуки современного бытия, –

неожиданно открылся старый администратор, – Минуточку, – сказал он и, не торопясь, поплыл по ковровой дорожке в сторону приемной Власова, – Сережа, как тебя зовут? – услышали мы из приемной его голос.

– Как меня зовут? – раздался удивленный голос секретаря, – Вы что, забыли, Николай Кузьмич?.. Сережей меня зовут... Сергеем, – повторил он для убедительности.

– Да нет... Не волнуйся так, Сереженька... Помню еще... Вот только отчества твоего не знаю.

– Можно и без отчества, Николай Кузьмич. Обходились же до сих пор.

– Нет. Ты все-таки скажи, Сережа, – настаивал скучающий чиновник, с удовольствием смакуя представившуюся возможность плодотворно поговорить с человеком при деле.

– Алексеевич, – выдал, наконец, свою тайну секретарь.

– Спасибо, Сереженька. Премного тебе благодарен, – раскланялся удовлетворенный старожил Старой Площади.

– Не за что, Николай Кузьмич. Заходите еще. Всегда рад услужить.

– Непременно зайду, Сереженька... Непременно зайду.

– Ну, дает, – не выдержал Пискунов, – Шел по своим делам, а из-за нас уже минут десять потерял. Делать ему, похоже, нечего. Вот и скучает, старый хрен, – проворчал он...

– Его зовут Сергей Алексеевич, молодые люди. Желая успехов, – сообщил свою новость чиновник и неспешно двинулся дальше по длинному-длинному коридору администра-

тивного здания.

– Спасибо большое, Николай Кузьмич, – крикнули ему вслед.

– Не за что, – донеслось откуда-то с противоположной стороны коридора.

Странное эхо загадочного здания на Старой Площади... Чудом сохранившиеся загадочные люди из незнакомой нам административной жизни бывшего аппарата управления загадочной страной под названием Советский Союз...

– Слушай, Анатолий, ты посиди лучше здесь, а я сам с ним переговорю, – вдруг засуетился Пискунов.

– Говори, если это важно, – согласился, не почувствовав подвоха.

– Не обижайся. Один на один проще договориться, – радостно заулыбался он.

– О чем договориться?

– Секретарь-референт важная фигура, – не ответив на мой вопрос, высказал мудрую мысль кум и ушел в сторону приемной...

Вернулся он минут через пятнадцать:

– Пойдем отсюда, – озабоченно потянул к лифту.

– Ну что, договорился? – спросил его.

– Тише ты, – дернул он меня за рукав, – Не здесь.

Мы вышли из здания и пошли к метро, а он все молчал и молчал.

– Вова, а здесь можно? – не удержавшись, спросил его, мысленно потешаясь над патологической склонностью подобных людишек «наводить тень на плетень».

– И здания имеют уши, – важно ответил кум и пошел дальше, сохраняя обет молчания.

«Ну и ну... Это неспроста», – подумал и не ошибся...

– Как я и думал, надо давать, – шепотом прорезался, наконец, Пискунов, когда вышли на шумные просторы площади Дзержинского.

– Что давать? – не понял его.

– Ну, ты даешь, Толик... Деньги... И немаленькие.

– Кому и за что?

– Целый список.

– Секретарь дал?

– А кто же еще... Наверняка доверенное лицо самого... Кстати, его тоже надо отблагодарить... Завтра же... Поехали к Коробкину. Пусть даст хоть тыщонку.

– Чего тыщонку? – снова не понял я, далекий от Пискуновской системы «не подмажешь, не поедешь».

– Ну, не рублей же! – искренне возмутился Пискунов.

– Ничего себе! – не удержался я, – Сколько же тогда остальным?

– Много... Самому, не менее пятидесяти, а остальным, в зависимости от должности.

– Не слабо... И сколько их, этих «власовцев»?

– Да тише ты!.. Без фамилий... С десяток наберется.

– Слушай, Вова, а не сочиняет ли твой Сергей Алексеевич?

– Ну и наивняк ты, Толик... Да кто же сейчас дела делает без взяток?.. Важно найти, кто берет. Тогда дело в шляпе. А эти берут. Значит, мы на коне.

– Нет, Вова... Мне все это не нравится. Не давал взятку, и давать не буду, – возмутился я.

– И не давай. Я буду давать... А ты только поддержи меня у Коробкина, – попросил кум.

«Ну и система... Сначала бандиты, теперь администрация... Сколько их еще?.. И всем дай... Что же нам останется? Одна зарплата?» – размышлял, потрясенный сообщением Пискунова...

– Тысячу секретарю?.. Что-то многовато, – ничуть не удивившись, отметил Коробкин, когда Пискунов попросил денег на взятку. Хорошо, о других суммах не заикнулся.

– Что значит многовато, Сергей Львович? – возмутился потенциальный взяткодатель, – Подтверди, Анатолий, – обратился он ко мне.

– Что подтвердить? Я с ним не общался, – не согласился я, тут же ощутив на себе полный ненависти взгляд кума.

– Вот вам пятьсот долларов, Владимир Александрович. По-моему, хватит, – прекратил назревавший конфликт Коробкин и выдал деньги.

– Это по-вашему многовато, Сергей Львович?.. Здесь вам

не Питер... Здесь расценки другие, – проворчал Пискунов, пряча деньги в портмоне.

– Почему не поддержал? – зло спросил Пискунов в коридоре, – Мы же договаривались.

– Я не возразил против твоих измышлений... А врать мы не договаривались.

– Каких измышлений? Что значит, врать? – возмутился кум.

– Я не был с тобой во время разговора, а это значит, подтвердить ничего не могу. Истина без подтверждения всего лишь версия, измышление... Можно либо верить, либо не верить, а это уже из другой области.

– Значит, вы мне не верите? Значит, я вру?

– Ничего не могу утверждать.

– Хорошо же ты обо мне думаешь, Анатолий. Не ожидал... Ладно, я положу эти деньги в конверт и отдам их при тебе... Поехали, – решительно заявил кум и действительно переложил деньги из портмоне в подходящий конверт, который неожиданно вынул из того же бокового кармана.

– Куда поехали?

– Откуда приехали, – мрачно ответил разгневанный Пискунов.

Я не стал спорить, и мы снова направились на Старую Площадь. Мы молча ехали в метро, молча вошли в здание и молча поднялись лифтом на нужный этаж.

– Жди здесь, – бросил кум в коридоре и метнулся к при-

емной.

Я опешил от неожиданности и встал как вкопанный, удивленно глядя в спину удаляющегося Пискунова. У входа в приемную он на секундочку приостановился и неуклюже выдернул конверт с деньгами так, что, мне показалось, часть купюр осталась в кармане.

«Скинул», – машинально отметил я. Все было сделано настолько чисто, что обычный человек, даже стоя рядом, вряд ли заметил бы ту нехитрую манипуляцию фокусника или мошенника. Иное дело я, имевший подготовку вора-карманника и соответственно другое зрение.

«Лихо сработал... Не так прост, как прикидывается... Навыки есть... Наверняка брал карман... Или готовился», – размышлял над тем, что увидел своими глазами...

Пискунов вышел минут через десять:

– Ну вот, все в порядке, – радостно потер он руки, – Теперь дело пойдет... Ну, видел? – спросил он очевидно о конверте.

– Видел, – ответил ему, – Даже больше, чем ты думаешь.

Довольная улыбка мгновенно слетела с физиономии кума, сменившись выражением испуга, а затем дикой злобы:

– Что ты видел?.. Что ты мог видеть?.. Видел он что-то... Что ты там мог такое увидеть? – повторял он на разные лады, пока стояли у лифта.

Я молчал, но с каждой его фразой мои подозрения обращались в твердую уверенность. Нет. Мне не показалось.

Часть денег, предназначенных секретарю, осталась в кармане Пискунова. И сделал он это умышленно и, можно сказать, профессионально.

– Вова, а зачем ты изъял из конверта часть денег? – спросил его в лифте, где кроме нас никого не было.

– Ты что выдумал? – задохнулся от возмущения Пискунов, – Ты видел?! – выдохнул он.

– Видел, – спокойным тоном подтвердил я, – Вот только число изъятых купюр не усек. А так все было сделано мастерски, – похвалил кума.

Конечно же, моя похвала была ему до лампочки, но по моему лицу он понял, что отрицать очевидное бессмысленно.

– Видел он, – повторил кум, соображая, очевидно, как поступить, – Не все ты видел, Толик... Изъял купюры... Да не изъял я их, а свои доложил... Этот жадный Коробкин думает пятью сотнями отделаться... А я так не думаю. Я решил, лучше свои добавлю, а дело сделаю, – нашелся мошенник и тут же повеселел от своей находчивости, – Кстати, Толик, а ты не хочешь компенсировать мои потери? Коробкин же дал тебе деньги на расходы, – нагло посмотрел он.

– Ну, Вова, ты находчив... Только меня не обманешь. Я своим глазам пока доверяю.

– Что мне карманы вывернуть, чтоб ты поверил? – снова взорвался Пискунов.

– Да я и сам могу их вывернуть. Даже не заметишь, – в запале ляпнул ему лишнее.

– Да-а-а? – с удивлением посмотрел на меня кум, – Не ожидал от тебя, Толик, – сказал он и умолк, задумавшись. «Коллега... Бывший», – подумал о нем, сообразив, что, похоже, он тоже что-то понял про меня...

Уже на следующий день позвонил Гусев:

– Анатолий, тут тебя Власов разыскивает через Вольского. Срочно подъезжай.

Через час я был на Старой Площади. Не заходя к Гусеву, сразу направился к Власову.

– Здравствуйте, Сергей Алексеевич, – обратился к секретарю-референту, – Мне позвонили от Вольского и сообщили, что Виктор Васильевич хочет меня видеть.

– Я не в курсе, Анатолий Афанасьевич. Сейчас узнаю... У него, правда, люди из банка. Выйдут, тогда зайдете. Вы посидите пока, подождите, – предложил он.

– Сергей Алексеевич, те банкиры случайно ни из «Уникомбанка»? – спросил его, интуитивно почувствовав связь между поисками моей персоны и встречей Власова с людьми из банка.

– Оттуда, – подтвердил референт, – Тогда я сейчас узнаю... Проходите, Анатолий Афанасьевич, – предложил он, пообщавшись с вице-губернатором по своим каналам связи...

– Вице-президент «Уникомбанка» товарищ Пашвыкин, – представил мне Власов одного из сидевших за столом пере-

говоров.

– Со Станиславом Валентиновичем мы знакомы, – сказал Власову, пожимая руку удивленному Пашвыкину.

– Совершенно верно, – присмотревшись, узнал меня вице-президент, – Это вы к нам недавно перешли из Пороховского отделения с тремя с половиной миллиардами?

– Так точно, – по-пискуновски ответил ему.

– Хорошее начало, Анатолий Афанасьевич, – одобрил Власов, – Товарищ Мерзликин. Тоже вице-президент. Может, вы и с ним знакомы? – представил он второго собеседника.

– Нет, Виктор Васильевич... Мы лишь недавно перешли в центральный офис. Еще не всех успели узнать.

Мы еще поговорили о чем-то подобном. Наконец, Власов, согнав улыбку, всем видом продемонстрировал, что готов сообщить главное, ради чего собрались. Все притихли.

– Анатолий Афанасьевич, администрация области рассмотрела ваше заявление и решила, помочь вашему предприятию... Дело за банком... Мы тут без вас посоветовались и решили, что для начала банк должен изучить ваш проект. Разумеется, не затягивая дела. Если документы в порядке, вынесем ваш вопрос на ближайший комитет. Чем быстрее, тем лучше... Вам все понятно? – спросил он.

– Понятно, – ответил ему.

– Тогда передаю вас в надежные руки моих банковских коллег, – пошутил Власов, показав на парочку вице-прези-

дентов. «Власовцев», – чуть ни сорвалось вслух.

– Подъезжайте ко мне завтра, прямо с утра, – сказал, прощаясь со мной, Пашвыкин. . .

Вечером собрал все, что у меня было по проекту, включая гору рекомендательных писем Вольского во все инстанции. Папка оказалась довольно приличных размеров и едва поместилась в сумку, взятую напрокат у дочери. . .

– Это наш эксперт Игорь Григорьевич, – представил мне Пашвыкин своего сотрудника моих лет, – Он будет вплотную заниматься вашим проектом. Чем быстрее и точнее вы выполните все, что он потребует, тем оперативнее он подготовит заключение для комитета. . . В ваших интересах, Анатолий Афанасьевич, не затягивать работу. . . Желаю успехов, – отпустил он нас.

Мы перебрались в комнату, где располагался сам Игорь Григорьевич Волошин и еще несколько человек, и занялись документацией. . .

– Где вы взяли этот бизнес-план, Анатолий Афанасьевич? – удивленно спросил Волошин, получив от меня первый же документ по его огромному списку.

– Сделал, разумеется. . . Что вас удивило, Игорь Григорьевич? – не понял его вопроса.

– Сами сделали? – с улыбкой недоверия спросил он.

– А как же. . . За несколько лет и не такому можно научить-ся.

– Вы не обижайтесь, Анатолий Афанасьевич, но я вам не верю, – огорошил меня эксперт, – Этот бизнес-план я уже вижу не первый раз. Совсем недавно мне его приносила девушка из очень солидной организации. И подписан он очень солидными людьми.

– Вероника? – догадался я.

– Ну, вот. Теперь хоть понятно, у кого вы позаимствовали документ... Что ж, Анатолий Афанасьевич, продолжать, думаю, бессмысленно. Пойдете со мной к Пашвыкину, или я сам доложу? – предложил он.

– Что доложите, Игорь Григорьевич? О чем вы догадались? – возмутился, поняв, наконец, в чем он меня обвиняет, – Этот документ уже давно гуляет по Москве и области. Не удивлюсь, если и гораздо дальше.

– Вот и до вас дошел, – ехидно перебил меня эксперт в полной тишине, внезапно повисшей в комнате.

Оглянувшись по сторонам, вдруг увидел, что остальные сотрудники очень внимательно следят за развитием событий. И все как один улыбаются, рассчитывая стать свидетелями нередкого, очевидно, в этих стенах спектакля разоблачения очередного мошенника. И этим мошенником, по их мнению, являюсь я, автор документа. Какой кошмар!..

Преодолев волну возмущения, спокойно предложил:

– Игорь Григорьевич, я готов доказать свое авторство.

– Каким это интересно образом? – с хитрой улыбочкой, не предвещавшей ничего хорошего, спросил он.

– Откройте страницу тринадцать, – попросил его, – В тринадцатой строке считается сумма. Сосчитайте ее, пожалуйста, на калькуляторе.

– Хорошо... Сосчитал. И что?

– У вас должна получиться сумма, ровно в полтора раза меньше указанной в ответе.

– Ну, получилась. И что?

– Откройте страницу пятнадцать.

– Открыл.

– Там есть ссылка на страницу тринадцать. Какая сумма там указана?

– Так... Та, что на калькуляторе. И что?

– Чуть ниже считается очередная сумма. Какая цифра стоит на третьей позиции?

– Минуточку... Та, что неверно указана на тринадцатой странице. И что из этого?

– А теперь сосчитайте сумму с обеими цифрами. Ответ совпадет только при подстановке верной цифры. Той, что на калькуляторе. Считайте, – предложил ему.

– Верно... И что это значит?

– Могу вам сходу показать еще с десятков таких ловушек. А все они записаны в моем компьютере.

– Не пойму, зачем это?

– А вы попробуйте пересчитать весь бизнес-план. Вы убедитесь, что у вас не сойдутся концы с концами. Как вы тогда поступите, Игорь Григорьевич?

– Верну на доработку.

– А вот доработка невозможна. Правильные исходные данные знает только автор, то есть я, что и требовалось доказать.

– Интересно... Трудно возразить... Вот только как мы будем проверять вашу математику, если вы все так запутали?

– Очень просто. Я дам вам исходные данные. И ваши итоговые результаты должны совпасть с моими. А математика этого документа лишь создает иллюзию правдоподобия. Любой эксперт завернет такой документ.

– Ну, вы и хитрец. Где научились?

– В секторе анализа информации РКК «Энергия».

– Хорошие учителя... А кем вы работали в РКК «Энергия»?

– В конце своей двадцатилетней деятельности возглавлял именно тот сектор. Кстати, я его и создал, – ответил, вызвав дружный смех сотрудников Волошина.

Все вдруг встали со своих мест, и подошли к нашему столу знакомиться со мной...

– А вот, Анатолий Афанасьевич, ответьте на такой вопрос, – обратился ко мне некто, представившийся Дмитрием Ярославичем Головановым, – Я сам бывший строитель. Мне очень интересно, как вы будете устанавливать такие тяжелые станки в цеху? Особенно те, которые весят более семидесяти тонн.

– Эти станки поступают в разобранном виде. Самая тяжелая деталь весит пять тонн и легко поднимается цеховой кран-балкой. Их монтируют прямо на фундаментах.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич. Я именно так и представлял. . . А вот дама, которая была перед вами, утверждала, что их устанавливают мощным краном через крышу, – рассказал он под всеобщий смех.

Похоже, после моего последнего ответа больше никто не сомневался ни в моей квалификации, ни в моем авторстве.

– Давайте ваши исходные данные, Анатолий Афанасьевич, – добродушно посмеиваясь, попросил Волошин. Я протянул ему листок, – Что ж, приходите через день. Проверим, совпадут наши ответы, или нет.

Прямо из банка поехал к Коробкину обрадовать его подвижками в нашем общем деле. К моему удивлению, у него оказался и Пискунов.

– Анатолий Афанасьевич, а вы видели этот список? – показал Коробкин листок с десятком фамилий, около которых карандашом были проставлены какие-то цифры. Знакомой в том списке была только фамилия вице-губернатора.

– Не видел, Сергей Львович. Я другими делами занимался.

– Какими, если не секрет?

– Вчера был у Власова, а сегодня в «Уникомбанке».

– Ну, кто тебя просил?! – неожиданно взорвался Писку-

нов, – Что ты лезешь на глаза до решения вопроса?

– Какого вопроса?.. Кстати, Власов сам меня пригласил через Вольского.

– Как это сам? Почему только тебя? Мы же вдвоем были на приеме, – возмутился кум. Коробкин слушал, не вмешиваясь в наш разговор.

– Не знаю, Вова. Спроси у него... В общем, Сергей Львович, администрация области нас поддержала. Вчера у Власова были два вице-президента «Уникомбанка». Они получили поручение Власова решить вопрос с гарантией. Сегодня отнес документы их экспертам.

– Кто сказал, что область поддержит?.. Власов?.. Он там не самая последняя инстанция, – мрачно заявил Пискунов.

– Вот выписка из решения администрации области, подписанная Тяжловым, – положил перед партнерами документ. Коробкин тут же взял его в руки и стал читать вслух...

– Ну вот, Владимир Александрович. А вы тут с какими-то взятками пришли. Все решилось и без них, – закончив читать, обрадовано сказал Коробкин.

– Чему удивляться, мы же дали секретарю, вот дело и пошло, – попытался выкручиваться Пискунов, – К тому же оно еще не закончилось.

– Первый этап пройден... Власов, я понял, наш сторонник... Кстати, Володя, твой секретарь даже не знал, что Власов меня вызывал. Неувязочка, – уколол я кума.

– Ладно, хорошо смеется тот, кто смеется крайним, – за-

явил он и тут же засобирался в Порохово.

Глава 25. Слово офицера?

– Как вам это нравится, Анатолий Афанасьевич? – спросил Коробкин, пододвигая все тот же таинственный список с фамилиями и цифрами, – Обратите внимание на итоговую сумму.

Я взглянул и поразился:

– Ничего себе! – невольно вырвалось у меня, – Сто пятьдесят тысяч долларов!

– Вот именно... Плохо то, что все это оказалось буйной фантазией Пискунова... Интересно, а секретарю, он при вас деньги давал?

– Где там, – ответил ему и рассказал о том, что видел.

Как ни странно, Коробкин ничуть не удивился и даже не возмутился:

– Значит, что-то все-таки дал... Впрочем, мог бы и совсем ничего не дать. Кстати, я именно это и предполагал.

– А зачем тогда дали ему деньги? – не понял я.

– Да что это за деньги, Анатолий Афанасьевич. Зато теперь Пискунов для меня открытая книга. Знаю, чего можно от него ожидать.

– Ой ли, Сергей Львович? Я и то этого не знаю... Что будем делать?

– Да пока ничего. А там посмотрим. Мне кажется, это не последняя его выходка, – предположил Коробкин и я

мысленно с ним согласился, – Дай человеку деньги и сразу увидишь, кто такой, – продолжил он, – Вот мой водитель. И оклад у него хороший, и машина в его распоряжении, и учиться ему не запрещаю, и много еще чего перепадает... Спрашивается, что человеку не хватает?.. Поручил ему как-то получить с людей должок, сорок одну тысячу. А ему сказал, должны сорок... Он и привез сорок... Я ничего не сказал, а людям перезвонил, спросил, сколько ему отдали. Ответили, всю сумму. Вот и верь после этого человеку.

– Спросили бы его самого.

– Зачем? Ну, разбогател он на тысячу долларов. Но я-то знаю, чего он стоит на самом деле.

– Ну, вы экспериментатор, Сергей Львович! – с удивлением посмотрел на него.

– А как же, Анатолий Афанасьевич, мы с вами с людьми работаем и с деньгами... С большими деньгами, – подчеркнул он, и я вдруг понял, что мне он все-таки доверяет...

А вечером, после паузы в месяц, позвонил Коренков:

– Вондрачек, ты куда пропал?

– Да замотался... А ты что не звонишь?

– Откуда? С того света? – рассмеялся он.

– Не понял, – удивился его странной шутке.

– Да тут, Вондрачек, меня так прихватило. Жена думала, конец. Я-то от боли отключился, ничего не помню. Вызвала скорую, та меня мгновенно в кардиологию. Вытащили, мож-

но сказать, с того света. Вот уже месяц лежу в госпитале.

– Да ты что!.. Ну, Вондрачек, не ожидал... Ты мне всегда казался таким могучим... Так ты откуда звонишь?

– Из госпиталя, Вондрачек... Будет желание, навести... Позвони моей Татьяне. Узнай, как доехать... Жду тебя, Вондрачек, – попрощался он.

Тут же позвонил Татьяне. За четверть века ее голос и манеры разговора совсем не изменились. Мы проговорили с ней целый час. Она рассказала, как чуть ни потеряла мужа, как дневала и ночевала в госпитале. Потом, как всякая мать, рассказала о своих детях, о внуке и об их проблемах. А закончили воспоминаниями о нашей с ней единственной встрече в Харькове, когда мы все были еще такими молодыми...

Утром, как и договорились, встретились в проходной госпиталя. Я сразу ее узнал, хотя, конечно же, она изменилась.

– Вондрачек, – бросилась, было, ко мне Татьяна, но тут же сдержала себя и скромно протянула руку, – Сколько лет, сколько зим... А ты не меняешься, – с улыбкой оглядела она меня.

– Да уж стараюсь, держусь, – ответил ей, – Впрочем, то же самое могу сказать о тебе. Хоть снова приглашай на танец.

Татьяна рассмеялась:

– Я уже забыла, как это делается.

– Я тоже, – успокоил ее.

– А что ты так легко одет? Закаляешься? – отметила она,

оглядев мой наряд безработного.

– Что-то вроде того... Приспосабливаюсь к жизни, – брякнул первое, что пришло в голову.

– Саша рассказывал... Ничего, Анатолий. Если ваш проект пойдет, заживете нормально. О нас тогда не забывайте.

– Непременно, – ответил ей...

Коренков встретил нас в самом начале длинного госпитального коридора.

– Вондрачек! – с этим возгласом мы бросились навстречу друг другу и обнялись.

Оглядев выздоравливающего товарища, увидел перед собой счастливое лицо человека, чудом избежавшего смерти. Таким я не видел Вондрачка никогда – ни в годы учебы в Харькове, ни во время наших коротких встреч в Москве. Передо мной был другой человек, полный надежд на будущее.

Он забросал вопросами, И я с удовольствием отвечал на них.

– Ну, Вондрачек, мне кажется, у тебя дело пошло. Еще немного, и все будет как надо. Я на нечто подобное насмотрелся у Музыри... Сначала полный мрак. Как у тебя, когда ты только начинал... А потом постепенно проясняется... Помнишь, рассказывал, как он сотню бракованных «рафиков» купил? Мы еще посмеялись.

– Конечно, помню.

– Выкрутился, паразит... С моей помощью разобрались с конкурентами... Укрепился... А теперь целую сеть маршрутных такси создал... «Автолайн»... Может, слышал?

– «Автолайн»?.. Не только слышал, но и видел. Значит, это Музыря?

– Он самый.

– Молодец... Вот тебе и бабушкины пирожки, – рассмеялся я.

– Какие пирожки? – удивился Коренков.

– Да ты сам рассказывал, откуда у него стартовый капитал.

– Извини, Вондрачек, не помню, – расстроился Коренков.

– Да бог с ними, с пирожками. Ты-то как? – спросил его.

– Нормально... Через неделю выписывают... Приезжай к нам, Вондрачек... Отметим мое спасение. Увидишь все мое семейство... Приедешь?

– Непременно, – пообещал ему и поспешил на выход, потому что Татьяна уже окончила какие-то дела с медсестрой и периодически поглядывала в нашу сторону...

Прямо из госпиталя поехал в «Уникомбанк».

– Ну, Анатолий Афанасьевич, – встретил меня Волошин, – Как вы теперь объясните, что наши итоговые показатели не совпадают с вашими? Разница в тридцать процентов – это недопустимо много.

– Вы какой программой пользуетесь, Игорь Григорьевич?

– Честно говоря, не знаю... У нас для этого есть програм-

МИСТЫ.

– А как с ними переговорить? – спросил его.

– Сейчас приглашу, – пообещал он...

Минут через десять появился важного вида молодой человек, представившийся программистом.

– Ну, что тут у вас опять? – недовольно спросил он Волошина.

– Да скорее у вас, чем у нас... Вот переговорите с Анатолием Афанасьевичем. Он вам все пояснит, – связал он нас.

Минут через пять разговора понял, что для расчетов банк пользуется программой, созданной по их заказу каким-то институтом.

– А почему вы не пользуетесь «Проджект-экспертом»? – спросил его.

– Она непрозрачная... Непонятно, как считает, – ответил специалист.

– А у вас прозрачная?

– У нас прозрачная.

– Можно посмотреть?

– Нет... Для вас она непрозрачная... Программа – это закрытая информация.

– Да ладно вам. Кто ее закрыл? – посмеялся я, но добиться доступа к тексту программы так и не смог.

С Волошиным договорились, что завтра принесу расчеты в виде, доступном для проверки...

И я засел за компьютер. Для начала отыскал свою про-

грамму, в которую ввел исходные данные бизнес-плана. Часа через два получил итоговые показатели, которые не отличались от рассчитанных программой «Проджект-эксперт»...

Утром отвез свои распечатки Волошину. Через день тот позвонил:

– Анатолий Афанасьевич, могу вас порадовать... Мы не нашли ошибок в ваших расчетах. Зато теперь с вами хотят встретиться наши программисты... Подъезжайте, – пригласил он.

У Волошина ждала группа ведущих программистов банка. Было ясно, что одна из расчетных программ содержит ошибки. По мнению Волошина, моя программа считала правильно. Вывод был очевидным – несколько лет банк считал показатели бизнес-планов по дефектной программе.

Часа через три поисков мы действительно нашли и устранили все ошибки в банковской программе. А уже через полчаса Волошин с удовлетворением признал и мое авторство, и, разумеется, безошибочность моих расчетов...

Вечером позвонила Лариса и сообщила, что прилетает Серджи, и попросила его встретить. Конечно же, согласился. От мысли ехать в аэропорт на моем стареньком «Москвиче» отказался сразу – на утреннем морозе мог его просто не завестись. Связался с Коробкиным.

– Нет проблем, Анатолий Афанасьевич. Подъезжайте завтра с Ларисой в офис. Съездите в аэропорт на моем «Мер-

седесе», – предложил он...

Несмотря на конец ноября, ночь была по-зимнему холодной – до тридцати градусов мороза. А потому утром я в своей легкой куртке и летних туфлях сразу попал в суровые объятия зимы. Рысцой добежал до автобусной остановки, и, перебираясь с транспорта на транспорт короткими перебежками, без проблем добрался до Нового Арбата. Но пока дотопал до нашего здания, мороз пробрал до костей.

– Вы что так легко оделись, Анатолий Афанасьевич? – спросил пораженный Коробкин.

– К сожалению, это самая теплая моя одежда, – удивил его еще больше.

– Ничего, Сергей Львович... Начнем работать, одену его и обую. Я обещал, – врезался в разговор Пискунов.

– Вы скорее обуете, чем оденете, – пошутил Коробкин. Шутка Пискунову не понравилась:

– Если обещал, сделаю. Слово офицера, – проворчал он...

Вскоре появилась Лариса в роскошной шубке. Выглядела она потрясающе. Когда мы вошли в кабинет Коробкина, у того заблестели глазки, и он буквально вскочил с кресла, ринувшись навстречу «иностранке»:

– Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш? – засуетился Сергей Львович.

– Парла соло литальяно, – автоматически ответила Лариса, с недоумением взглянув на меня.

– Итальянский, к сожалению, не знаю, – огорчился Коробкин, протягивая ей руку.

– Тогда говорите по-русски, Сергей Львович, – догадавшись, улыбнулась Лариса.

– О-о-о, синьора Чендерелли! Вы прекрасно говорите по-русски. Почти без акцента, – выдал в заключение Коробкин. Мы с Ларисой рассмеялись:

– Почему я должна говорить с акцентом на родном языке?.. Я русская, и зовут меня Лариса, – представилась она.

Теперь мы уже смеялись втроем...

Самолет прилетел по расписанию, и мы с Ларисой долго стояли в толпе встречающих, поглядывая на выход из таможенной зоны, а пассажиров все не выпускали и не выпускали. Наконец появился сияющий ослепительной улыбкой Серджо. На мгновение он остановился в узком проходе, образованном встречающими, пытаясь, очевидно, отыскать нас.

– Серджо! – крикнул ему.

Он услышал и тут же двинулся в нашу сторону. Небрежно чмокнув жену, бросил вещи и широко раскинул руки для объятий:

– Привет, мой друг Анатолий! – громко и радостно приветствовал он меня.

– Буон джорно, Серджо! Бен торнато Моска! – ответил ему, с трудом вырвавшись из его медвежьих лап.

– О-о-о!.. Зпасибо... Анатолий знать итальянски? – удив-

ленно спросил Серджо.

– Это все, – ответил ему, и мы рассмеялись.

– Это тебе, – передал он мне тяжелую сумку с эмблемой «Simes», – Докумэнти, – пояснил он, и я тут же понял, почему он попросил его встретить. У него остался лишь небольшой чемоданчик на колесиках.

Лариса меж тем недовольно оглядывала мужа. «Действительно нехорошо. Все внимание мне, а не ей», – подумал я и, разряжая обстановку, заторопился:

– Пойдемте, водитель ждет, неудобно.

Тогда я не знал, что именно так принято в деловом мире – приоритет клиенту, а не прочим особам, кем бы они ни были. А Лариса была огорчена вовсе не этим:

– Вы смотрите, Анатолий Афанасьевич. Вчера говорила ему, что у нас холодно. А он оделся, как вы, очень легко. Замерзнет, простудится, – сказала мне и что-то добавила по-итальянски ему, действительно одетому не по сезону – в легкое пальтишко, шляпу и туфли.

– Чичас, – тут же засуетился Серджо, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда вязаную шапочку. Он натянул ее на голову, надел сверху шляпу, и рассмеялся, – Нон фрэско.

– Клоун... Сними, не позорься, – совсем расстроилась Лариса. Серджо, не понимая ее, стоял и виновато улыбался, напоминая своим странным головным убором одного из пленных под Сталинградом. Я знаками показал ему, что шапочку можно не одевать:

– Машина. Тепло, – добавил словами. Он понял и немедленно восстановил свой прежний вид. Лариса успокоилась...

– О-о-о!.. «Мерседес»? – приятно удивился он, когда подошли к машине, – Ты имешь такой машина, Анатолий?

– Нет. Мой партнер, – пояснил ему. Серджо понимающе кивнул, и что-то сказал Ларисе.

– Он сказал, такая машина только у их хозяина... У Серджо тоже «Мерседес», но гораздо скромнее... И еще сказал, ваш партнер имеет деньги. Будем работать, – перевела Лариса...

Мы вернулись в офис, где Лариса познакомила Коробкина с Серджо и поблагодарила за предоставленный транспорт. А лучезарный Серджо тут же одарил Сергея Львовича комплектом традиционных фирменных сувениров: календариков, блокнотиков, авторучек, зажигалок и значков с фирменной символикой.

Удовлетворенный Коробкин предложил все дела перенести на завтра и отправил их домой той же машиной. Я же принялся с интересом изучать содержимое своей посылки. Там оказались три комплекта строительных чертежей фундаментов под оборудование.

– Один экземпляр мне, – тут же заявил Пискунов.

– Вова, там же по-английски, – попробовал его урезонить.

– А мне без разницы. Покажу знающим людям... На заводе должен быть экземпляр, – решительно добавил он.

– Согласен, – поддержал Коробкин, – Только не растеряйте, Владимир Александрович.

– Что вы, Сергей Львович. У нас порядок... Большое спасибо, – поблагодарил он, пряча документы в портфель. Я же промолчал, смутно ощущая очередной подвох, но еще не представляя, в чем он может выразиться...

– Анатолий Афанасьевич, завтра непременно подъезжайте часикам к двенадцати, – предупредил Сергей Львович, – Хочу обсудить наши перспективы. А потом пообедаем в ресторане.

– Может, в ресторан без меня? – предложил ему, стыдясь своего наряда.

– Без вас нельзя, Анатолий Афанасьевич. Вы генеральный директор. Это ваши гости. Я с ними только-только познакомился. Так что надо, Анатолий Афанасьевич, – твердо заявил Коробкин. Оставалось лишь согласиться...

Ларису и Серджо встретил в вестибюле. Лариса была в той же шикарной шубке, а Серджо в нелепой дубленке и огромной зимней шапке.

– Ну, вот, Лариса. А ты боялась, Серджо замерзнет, – отметил, с завистью оглядывая его наряд.

– Вчера купили, Анатолий Афанасьевич... Так, деньги на ветер... Он же это в Италию не возьмет. Будет здесь валяться, – с досадой сообщила Лариса, жалевшая, очевидно, о напрасных тратах семейного бюджета.

А Серджи сиял солнечной улыбкой и тархтел о чем-то без умолку по-итальянски. Лариса, казалось, не слушала его, а я не понимал ни слова.

– О чем он говорит? – спросил Ларису.

– Рассказывает вам о наших вчерашних приключениях...

Столько магазинов обошли, пока ни нашли его экзотический наряд, – сердито «перевела» Лариса и снова умолкла.

А Серджи все говорил и говорил, обращаясь ко мне.

– О capito, – подбодрил его, тут же поймав насмешливый взгляд Ларисы.

– Маладэц, – хлопнул меня по плечу удовлетворенный Серджи...

А у Коробкина уже ждали Людмила и Владимир Александрович.

– Минут пятнадцать поговорим и сразу в ресторан, – шепнул Сергей Львович, – А вы что в таком затрапезном виде, Анатолий Афанасьевич? Я же предупреждал, – сердито отметил он.

– Я тоже предупреждал, что не пойду. Мне действительно больше нечего надеть, – с досадой ответил ему. Похоже, Коробкин, наконец, понял мои затруднения:

– Ладно, Анатолий Афанасьевич, не берите в голову. Сойдет и так, – подбодрил он...

Минут пятнадцать поговорили ни о чем. Деловой разговор в таком странном коллективе не клеился, и, почув-

ствовав общий настрой, Коробкин предложил съездить победать. Его сообщение вызвало бурный восторг Чендерелли и очередной приступ недовольства Ларисы, настроенной, очевидно, на переговоры.

– Ладно, Лариса, еще успеем наговориться, – попытался ее успокоить, – Трапезы сближают людей.

– Вам хорошо, Анатолий Афанасьевич. А мне придется переводить... Серджи за столом рта не закрывает. Ест и говорит одновременно. А я всегда из-за стола встаю голодной, – пожаловалась «переводчица».

– Учтем, – пообещал ей...

Первым рейсом отправили Людмилу, Серова и меня. Минут через пять мы уже были в ресторане, а минут через десять здесь же оказался весь коллектив.

– Это закрытый ресторан, – объявил Коробкин, – Сюда пускают не всех. Что-то вроде клуба. На выходе вам тоже дадут клубные карточки, и вы сможете ходить сюда, когда захотите, – пояснил он.

Помещение ресторана выглядело весьма презентабельным. Во всяком случае, в подобном заведении я оказался впервые. С интересом оглядывали интерьер и наши гости, удовлетворенно кивая головами.

Налетевшая толпа официантов мгновенно сервировала стол и застыла в ожидании заказа, а уже минут через пять Сергей Львович произнес первый тост.

Конечно же, в центре внимания компании вскоре оказался неподражаемый Серджо. Он буквально заряжал всех своей энергией и оптимизмом. И Ларисе действительно приходилось нелегко. Пока она переводила, Серджо быстро-быстро ел, набираясь сил. Но едва она замолкала, он тут же клал вилку и включал свой речевой пулемет. Лариса слушала и запоминала сказанное с тем, чтобы через минуту пересказать все это нам по-русски. Какая уж тут еда!

– Анатолий Афанасьевич, обратите внимание, как красиво ест Серджо, – с восторгом шепнул Коробкин, – Очень профессионально.

Через час мы все уже были друзьями. Наши дамы завели свой разговор о модах, а мы вчетвером принялись обсуждать деловые проблемы. Как же пригодился опыт общения с Серджо без помощи Ларисы. Его плохой русский и мой никакой итальянский вынуждал нас время от времени все же привлекать нашу переводчицу, но в основном обходились без нее. Ведь речь шла о технике, а эту тему мы с Серджо обсуждали не раз.

Наконец, подали кофе и мороженое. Обед близился к завершению.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич, выручили, – улыбнулась Лариса, – Кстати, Серджо сказал, что ресторан замечательный. А он знает в этом толк. Как ни как, по всему миру поездил, – сказала она. Серджо, похоже, понял ее слова и тут же подсел ко мне:

– Пэрфэтто, Анатолий. Хороший ресторентэ. Мне нравится. Как Италия, – похвалил он и как всегда попросил пригласить хозяина и повара.

– Наш хозяин итальянец. Его нет, он в Италии, – сказал официант, – Повар тоже итальянец. Сейчас приглашу, но он не понимает по-русски.

– Приглашай, – махнул рукой Серджи, смахивая рукой слезы от охватившего его приступа безудержного смеха, – Все понятно, Анатолий. Итальянский кухня лучше в мире, – радовался он как ребенок сделанному им открытию...

С того дня события замелькали, как в калейдоскопе. Уже на следующий день позвонил Пискунов и попросил срочно приехать в Порохово. Пришлось снова обращаться к Гарбузову. Очень не хотелось терять столько времени на поездку в холодной электричке.

Пока ехали, Сергей сообщил, что Гарбер не хочет его отпускать. Предложил увеличить оклад до шестисот долларов, лишь бы не уходил.

– Ну, а ты? – спросил его.

– Что я? Сказал, все равно уйду. Шестьсот и две тысячи разница большая. Да и надоело баранку крутить. Хочется головой поработать. Я, правда, не знаю ничего. Но уж очень хочется, – ответил он.

– Ну, и когда к нам перейдешь?

– Гарбер сказал, отпустит не раньше, чем через два месяца.

ца. Один уже прошел. Так что, Толя, жди меня только через месяц, – с огорчением сообщил он...

– Знакомься, Анатолий. Ашот Петросян, – представил Пискунов молодого человека, который когда-то показывал нам недостроенные цеха в Пучково.

– А мы уже знакомы, – пожал я руку Петросяну.

– Точно, – тут же вспомнил тот меня, – Вы приезжали в Пучково, – уточнил он.

Выяснилось, он недавно стал генеральным директором строительной компании, которая строила те цеха.

– Я посмотрел ваши чертежи, Анатолий Афанасьевич. Мы готовы строить такие фундаменты хоть сейчас, – заявил новоиспеченный директор.

– Хоть сейчас не надо, – ответил ему, – Я хотел бы провести тендер и поручить строительство победителю.

– Что ты выдумал?! Какой тендер? Какой победитель? Кто постороннему разрешит здесь строить? – врезался в разговор Пискунов.

– Не понял, Владимир Александрович... Зачем же меня пригласили, если вы уже приняли за меня все решения?

– Чтобы ты убедил дурака Коробкина... А решение не я, а братва приняла. Другим она в Порохово строить не даст.

– Как это не даст? Что, значит, не даст? – возмутился я.

– То и значит... Тебе что, взрывы на заводе нужны?

– Какие взрывы?.. А ты здесь зачем, Пискунов?.. Твое же добро будут взрывать!

– Это не я решаю.

– А что ты тогда решаешь?.. Может, и прибылью будем с ними делиться?

– А как же!.. Десять процентов, – огорошил Пискунов.

– Ничего себе!

– А ты как думал?.. Ментуру пригласишь, те пятнадцать запросят. Я их расценки знаю, – блефовал Пискунов.

– Вот и отдашь свои, раз не умеешь противостоять, – заявил ему.

– Хрен вам свои! Все будем платить... И не шути с этим, Толик, а то можешь однажды домой не доехать.

– Даже так?

– А ты как думал?

– Ну, спасибо, благодетель. Втянул ты меня в Пороховскую авантюру. Век не забуду... Будем решать с Коробкиным, как жить дальше.

– Не вздумай Коробкину ляпнуть. Мы с тобой будем решать. Его дело деньги платить.

– Ну, ты и гусь, Вова!

– Не называй меня Вовой! В последний раз предупреждаю! – взорвался кум.

– Извините, Владимир Александрович, само вырвалось, но при таком базаре без кликухи нельзя, – ироническим тоном извинился я...

– Анатолий Афанасьевич, а в чем проблема? – снова

включился в разговор Петросян, – Мы не против здоровой конкуренции. Уверен, москвичи с вас запросят в два раза больше.

– Почему это?

– А как же... У нас свой бетонный завод. А им придется возить из Москвы. Здесь им никто ничего не даст... Арматура у нас на все ваши фундаменты куплена еще по старым ценам. Давно лежит без дела. Теперь сгодится... Да и наши рабочие дешевле, чем московские, – грамотно убеждал он.

– Хорошо. Давайте ваши предложения в письменном виде, – согласился я.

– Давно бы так, – радостно засуетился кум, – Может, по рюмочке?

– По рюмочке, когда договор подпишем, – решительно отказался я.

– Согласен, – поддержал Петросян и удовлетворенный встречей откланялся...

– Зря ты при нем такой разговор затеял, – пожурил Пискунов, словно ничего не случилось, – Непременно братве доложит.

– Пусть докладывает.

– Напрасно ты так... Ладно, пойдем, пройдемся по территории. Посмотришь, что мы тут наворотили, – предложил кум, – Кстати, примерь эту куртку, – достал он из шкафа нечто светло-серое с капюшоном.

– Ничего, я и так не замерзну. Привык уже.

– Ты все-таки примерь, Анатолий, – настаивал он.

Я надел «обнову». Легкая куртка из синтетики с утеплителем была, конечно, гораздо теплее моей. Лишь устаревший фасон с нелепым капюшоном, да дыры во всех карманах портили впечатление.

– Ну, как? – спросил, оглядывая меня, кум.

– С кого сняли? – пошутил я.

– Не бойся. Моя. На дачу в ней ездил, пока директором ни стал, – с гордостью ответил он, – Бери. Дарю... Обещал одеть, значит, надо исполнять обещания. Слово офицера закон.

– Спасибо, – сказал ему, понимая, что мне не отвертеться от такого «драгоценного» подарка, окропленного святыми понятиями об офицерской чести. Да и должно же, в конце концов, хоть что-то меняться в моей жизни к лучшему...

Мы прошли в главный цех. Действительно наворотили – цех был пуст.

– Вот видишь, все готово к началу строительных работ, – отрапортовал деловой кум.

– А куда оборудование дели? – спросил его, вспомнив кучу стапелей для монтажа изделий из алюминиевого профиля.

– Пойдем, покажу, – ответил директор, и мы прошли в два других цеха, соединенных проходом. Там тоже были перемены: в одном увидел знакомые стапели, а другой был пуст, –

В этот поставим итальянское оборудование. Гарбер обещал профинансировать. Будем делать рамы из импортного профиля.

– А куда дели ремонтное оборудование?

– Сейчас покажу, – повел меня Пискунов в какой-то закуток, – Вот все, что осталось, – показал он на маленький станочек и кучу какого-то электротехнического хлама.

– А где оборудование целого цеха?

– А зачем оно? У нас всего два-три заказа в месяц. Сдали в металлолом.

– По-хозяйски, – в шутку одобрил я.

Не знаю, заметил Пискунов мой иронический тон, или нет, но то, что он продемонстрировал в конце нашей экскурсии по заводу, иначе, чем процедурой запугивания, ни назовешь.

– Идем, покажу тебе одно интересное место, – повел Пискунов в заброшенный уголок завода, – Представляешь, Юрка хранит продукты в обычных холодильниках. Сколько же их надо для его кафе... А я немного покумекал и вспомнил, что продукты для столовой хранили в каком-то хранилище... Пспрашивал старых рабочих. Привели сюда, – показал он на вход в обвалованное землей сооружение, типа бункер.

Через массивную стальную дверь мы вошли в огромный погреб. Вдоль одной стены стояли пустые стеллажи, а вдоль другой под потолком висели крючья для подвески туш.

– Нравится? – с садистской улыбочкой спросил кум.

– Хороший погребок, – без задней мысли ответил ему.

– А представляешь, если запереть здесь кого-нибудь без света? Или подвесить на крючьях?.. Интересно, долго он продержится, если будет знать, что на заводе его никто искать не будет?.. Как думаешь, Толик? – задал он вопросы, от которых вдруг стало не по себе.

«Этот убьет кого угодно, глазом не моргнет», – снова припомнились слова Гусева.

– Никак, – ответил ему, – У меня профиль деятельности другой.

– У тебя да... А вот ребята недавно сюда привозили двоих. Только показали эти крючья, сразу все документы подписали.

– Это, Вова, ты маху дал... Рассекретил объект... Теперь наверняка информация пойдет по вашей деревне, а то и по всему району... Некорректно сработали ребята, не профессионально, – пожурил его.

Кум задумался...

Глянув на мою «обновку», Коробкин отвернулся, чтобы спрятать насмешливую улыбку, но все же не удержался:

– У вас новая куртка, Анатолий Афанасьевич?

– Пискунов подарил. Сдержал-таки слово офицера.

– Понял, – тут же закрыл тему Сергей Львович, – Анатолий Афанасьевич, смету расходов на декабрь составьте с уче-

том выплаты окладов тем, кто будет работать.

– Хорошо, Сергей Львович, – обрадовался я, – Сегодня же представляю.

– И еще, Анатолий Афанасьевич... Серджо пригласил нас с женой посетить их завод... Так что на днях мы на недельку улетим в Италию. Будем первыми ласточками... А уж за нами вы.

– Вряд ли, Сергей Львович... Я еще четыре года невыездной.

– Допуск? – понимающе спросил он. Я кивнул, – Жаль, – посочувствовал он...

В пятницу Коробкин не улетел, как обычно, в свой Питер, потому что в субботу должен был лететь в Венецию.

– С Ларисой летите? – спросил его.

– Почему с Ларисой? – удивился Коробкин, – С женой. А что, Лариса тоже завтра летит?

– Да... Звонила вчера... Правда, летит не напрямую, а через Мюнхен.

– Что же она не позвонила? Полетели бы вместе, – огорчился он...

В субботу около часа ночи разбудил звонок Коробкина:

– В чем дело, Анатолий Афанасьевич? Почему меня не встретили? Свяжитесь с Серджо. Пусть немедленно примет меры, – распорядился он.

Позвонил на домашний номер Серджо и сообщил Ларисе

о звонке Коробкина.

– Здесь такой туман, Анатолий Афанасьевич. Когда мы с Серджо подъезжали к Кастэльфранко, встретили заводской микроавтобус. Он ехал в аэропорт за Коробкиным. Похоже, не доехал. Трассу могли закрыть из-за тумана, – сообщила свою версию Лариса.

– А как узнать, доехал он или нет? Может, позвоните на «Симек»?

– «Симек» закрыт, Анатолий Афанасьевич. До понедельника ничего не узнаешь.

– Что же делать? Что сообщить Коробкину?

– Пусть ждет. Как только откроют трассу, водитель придет, – передала Лариса совет Серджо...

Едва переговорил с Ларисой, снова позвонил Коробкин:

– Где транспорт, Анатолий Афанасьевич? Что сказал Серджо?

– Сказал, транспорт выехал. Доехать не может из-за тумана. Вам остается только ждать.

– Чего ждать? Здесь, похоже, аэропорт на ночь закрывают... Куда нам с женой деваться?.. Ларису Серджо встретил, а нас, значит, не удосужился. Нехорошо так с клиентами поступать... Что мне делать, Анатолий Афанасьевич?

– Сергей Львович, поступайте по обстоятельствам. Я не могу из Москвы дать вам совет. Я там никогда не был. Серджо в курсе. Могу дать его телефон. Звоните ему.

– Есть у меня его телефон. Я не знаю, как отсюда ему зво-

нить... Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Устроюсь, позво-
ню, – принял решение Коробкин...

Едва уснул, снова разбудил телефон:

– Анатолий Афанасьевич, я в Гориции, в местной го-
стинице. Хорошо, летчики довели... А так представляете,
аэропорт закрыли. Ни машин, ни людей. Кошмар... В об-
щем, пусть Серджо забирает меня отсюда. Жду до двенадцати,
а потом улетаю в Москву, – сказал Коробкин и отклю-
чился.

Посмотрел на часы – четыре утра. Решил, что Ларисе по-
звоню часов в девять. В Италии будет только семь утра.

Спать не хотелось, и я представил себя на месте Короб-
кина. У него уже есть опыт зарубежных поездок. А глав-
ное – деньги. Добраться до ближайшей гостиницы, как выяс-
нилось, не проблема. Можно и до понедельника подождать,
а потом приехать прямо на предприятие. Да и Серджо скоро
узнает, где он. По крайней мере, с ним свяжется. А то выду-
мал, сразу улететь в Москву. Нет, я бы не беспокоил людей –
сам бы решил свои проблемы...

Утром позвонил Ларисе.

– В Гориции? – удивилась она, – Как он там оказался?

– Откуда я знаю. А это далеко от вас?

– Километров двести. Где-то между Удиной и Триестом.

Серджо говорит, сейчас выезжаем, – успокоила она.

В тот день больше звонков не было...

В понедельник позвонила Лариса и рассказала, что произошло. Оказалось, из-за тумана самолет приземлился на запасном аэродроме в Гориции. Всех пассажиров рейса автобусами отправили в Венецию. В это время Коробкин, полагая, что находится в Венеции, тщетно разыскивал встречающих. А когда аэропорт обезлюдел, запаниковал и начал названивать в Москву...

А ведь встречавший его водитель «Симека» все-таки дождался пассажиров московского рейса и уехал, лишь убедившись, что Коробкина среди них нет. В общем, Коробкин признал, что сам виноват – надо было слушать объявления...

Через неделю он появился, переполненный яркими впечатлениями от удачной деловой поездки.

– Ну, Анатолий Афанасьевич, видел нашего Серджио в его родной среде обитания... Это нечто... Это действительно надо видеть, – восторженно рассказывал Коробкин, – Все организовал, как надо... Поселил в лучшую гостиницу Кафельфранко. Завтрак – шведский стол. Обеды и ужины в ресторанах. Из каждого удалось по сувениру прихватить. По ним можно сосчитать, сколько обошли.

– Что за сувениры? – спросил его, не поняв, почему их надо прихватывать.

– Да так, пепельницы, – пояснил он, – Я их коллекционирую, Анатолий Афанасьевич... Беру в каждом ресторане, где бываю... Очень интересные экземпляры попадают, и почти все с символикой ресторана... Пробовал поку-

пать, просил включить в счет. Не продают. Вот и приходится так брать... Серджи сперва удивился, зачем мне пепельницы, но потом понял страсть коллекционера... Пару пепельниц сам притащил, договорился с кем-то... А Серджи водку коллекционирует. Показал свою коллекцию. Теперь хоть знаю, что ему презентовать.

– Серджи водку? – удивился я, – Наверно в той коллекции одни пустые бутылки.

– Не скажите, Анатолий Афанасьевич. Я тоже отметил, что любит Серджи водочку, но коллекцию содержит по всем правилам. Есть початые бутылки-дубликаты. Из них дает попробовать, но основные так и стоят нераспечатанными.

– А на заводах бывали, Сергей Львович?

– А как же!.. Для начала нас провели по «Симеку»... Мощное производство... Чистенько, аккуратненько, красиво... А потом Серджи повозил нас по камнеобрабатывающим предприятиям... Были даже в Вероне... Очень понравилось... Оборудование работает, как часы... Жене особенно понравилось, где камень режут алмазными дисками. Она полчаса оторваться не могла... А Серджи сказал, что мы такие станки не покупаем... Почему, Анатолий Афанасьевич?

– Время не пришло. Купим на втором этапе.

– Понял... Но купить надо обязательно. Уж раз женщине понравилось, значит, нормальное оборудование, – заключил Коробкин, – И еще, Анатолий Афанасьевич, с первого декабря приступайте к работе, как положено. Занимайте офис

и работайте.

– Да там ничего нет. Одни стены. И кому работать?

– Мебель и оргтехнику включите в смету. А людей надо набирать. У вас же вроде есть кандидаты.

– Есть, но их пока не отпускают с прежнего места работы.

– Это хорошо... Значит, ценят... Кстати, Анатолий Афанасьевич, Серов будет работать с вами. Подберите ему должностенку какую-нибудь. Он у меня таможей занимался. Неплохо занимался.

– А разве он не ваш партнер?

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич, – рассмеялся Коробкин...

Позвонил своему однокашнику по училищу – Гаппарычу, как мы его всегда называли:

– Саша, надо встретиться. Ты вроде искал работу. Могу предложить.

– Что ты, Толик? Какая теперь работа. Мне операцию сделали на щитовидке. Только проблемы создам... Слушай, позвони Пете Котельникову. Вот он действительно на мели. Две дочери-школьницы и жена не работает. Сидят на его пенсии... Дать телефон?

Вечером позвонил Котельникову и договорился о встрече. Но уже по разговору было понятно, что Петр готов работать на любой должности, а оклад в пятьсот долларов предел его мечтаний.

Позвонил Комарову, нисколько не сомневаясь, что снова будем работать вместе. Его ответ поразил:

– Толя, я готов с тобой работать, но мои условия такие: должность твоего заместителя и оклад не менее трех тысяч долларов.

– А две тебя не устроят?

– Нет, – ответил человек, с которым мы месяцами работали на одном энтузиазме. Удивительная трансформация...

Встретился с Котельниковым, и первого декабря мы с ним впервые вошли в пустое помещение нашего будущего офиса с тем, чтобы начать работать.

– Будешь помощником генерального директора, – определил его должность.

– А генеральный директор, я так понял, это ты? – спросил Петр.

– Так точно.

– С тобой хоть кем, – ответил он, – Командуйте, гражданин начальник.

– Товарищ начальник, – поправил его, – «Гражданин» еще рано.

Мы рассмеялись...

В тот же день неожиданно вошел Пискунов. Приезжал он, разумеется, к Коробкину. Зачем, не сказал. Но Коробкина не было, а Марина сообщила ему, где теперь можно найти нас.

– Так-так, – деловито оглядел помещение кум, – А где мебель?

– В магазине, – ответил ему.

– Так, Толик. Давай деньги, я тебе завтра подвезу. Подбери что-нибудь у нас на складе.

– Спасибо, Вова, не надо... Твоя куртка очень понравилась Татьяне.

– Правда? – удивился Пискунов.

– А то... Целый вечер зашивала. А после стирки стала совсем как новенькая. Можешь посмотреть, – махнул рукой в сторону широкого подоконника, служившего нам столом и вешалкой, – Кстати, можешь получить зарплату на себя и Олега.

– Правда? – обрадовался кум, получая деньги, – А почему Олегу так мало? – пересчитав, спросил он.

– Пятьсот мало? – удивился я, – Оклад помощника. Сам утверждал.

– А этот прыщ, что у тебя делает? – кивнул он в сторону Котельникова.

– Мой помощник.

– А у него какой оклад?

– Пятьсот... Вот ему, считаю, мало. Он, как и ты, подполковник в отставке. Правда, с высшим образованием, – специально подчеркнул я, – Да еще неработающая жена и две дочери-школьницы.

– Ладно-ладно, – успокоился кум, – А моей Татьяне?..

Она же у тебя бухгалтер.

– Приступит к работе с января.

– А денег на расходы дашь? – совсем обнаглел Пискунов.

– Не дам... Нет у тебя расходов по нашей части, – твердо ответил ему. Кум тут же собрался и вышел...

Получив первую зарплату, загорелся желанием модернизировать свой домашний компьютер. Заменяв материнскую плату, процессор и существенно увеличив память, за небольшие деньги скомпоновал на порядок более совершенную машину. А главное – перестал бояться компьютерного «железа»...

Уже через неделю помещение приобрело офисный вид. Под руководством Котельникова его разгородили так, что образовалась прихожая, общая комната и директорский кабинет. Появилась и мебель, которую мы за пару дней собрали вдвоем.

Заглянув к нам на минутку, переселился из тесного предбанника Коробкина и сам Серов. А на следующий день я привез Светланку. Мы быстро обживались...

Предложил Коробкину не покупать компьютеры, а собрать их из комплектующих.

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич? – удивился Сергей Львович моему предложению, – Это же каторжный труд.

– За день все соберу и отлажу, – пообещал ему.

– Да вы что?.. А работать хоть будут?

– Еще как!.. А вы думаете их «Ай Би Эм» собирает? В подсобках магазинов их собирают, из тех же комплектующих.

– Да вы что?! – в очередной раз удивился Коробкин.

Пришлось показать журнальную статью. Ознакомившись с ней, он тут же дал добро.

Уже к вечеру того же дня запустил первый компьютер. Наблюдавший за процессом сборки Серов тут же умчался на третий этаж.

– Ну-ка, ну-ка, – вскоре вошел улыбающийся Сергей Львович, – Неужели работает?

– Как зверь, – ответил ему, – А стоит в полтора раза дешевле магазинного.

– Делайте остальные, – понаблюдав за экраном, распорядился Коробкин...

В середине января позвонил Айдаков:

– Анатолий Афанасьевич, вы не забыли, что в этом году у вас первый лизинговый платеж? С него все начинается.

– Не забыл, Анатолий Павлович. Вот только с гарантией «Уникомбанка» проблема. Область решение приняла, а банк тянет с кредитным комитетом.

– Думаю, это не проблема. Направьте Пельману копию решения областной администрации. Банк, я так понимаю, им подчинен?

– Подчинен. Вице-губернатор Власов председатель правления банка.

– Ну, вот. Если еще и от него бумажку пришлете на банковском бланке, считайте, полный порядок... Жду сообщений, Анатолий Афанасьевич, – попрощался он...

Спустился к Коробкину. Объяснил ситуацию.

– Отправляйте, Анатолий Афанасьевич, – принял решение инвестор, – Кстати, попросите Светлану зайти ко мне, – удивил он неожиданной просьбой...

– Папа, иди, что покажу, – подозвала к своему столику дочь, – Три тысячи долларов, – шепотом объявила она, продемонстрировав деньги.

– Это что такое? – не понял я.

– Сергей Львович дал поручение.

– Что за поручение?

– Одеть тебя с иголочки... Сам он, говорит, не оденется, а ты уж постарайся, чтобы наш директор выглядел достойно. В общем, завтра у нас с тобой выходной, а послезавтра ты должен быть при параде, – рассказала Светланка...

Поручение дочь выполнила так, что на несколько лет у меня полностью отпали проблемы с одеждой. Теперь она была на все случаи жизни.

– О-о-о!.. Костюмчик приобрел, – насмешливо глянул Пискунов. Он вошел, скрипя, как хромовые сапоги. Глянул и чуть ни умер от смеха – передо мной стоял типичный колхозник с рынка с той лишь разницей, что новенькая дубленка была явно из синтетических материалов. Во всяком случае,

производила такое впечатление, – Нравится? – гордо смотрел на меня обладатель чуда местной швейной промышленности.

– Теплая? – спросил вместо ответа, очень сомневаясь в способности подобных изделий хранить тепло.

– Как печка, – бодро ответил кум, – И недорого. Всего двести долларов, – явно зависил он цену.

– Всего двести? – переспросил его.

– Могу достать. У нас их подпольно производят... Не всякому еще продадут. Сто долларов сверху, и дубленка твоя. Ну что, достать?

– Стоит ли. Что-то мех у нее подозрительный. Искусственный?

– А какой же за такие деньги?.. Смотри ты! Купил костюм и возгордился. Ну, покажи хоть.

– Это не костюм, а пиджак.

– Импортный? – удивился кум, увидев лейблы с фирменной символикой.

– Английский.

– Брось, Толик... Китайский?

– Китайский бы не купил.

– Не буду спорить... А брюки покажи, – попросил он. Я встал. Брюки мне не нравились, но все приличные повсюду были лишь одного покроя «а ля Кавказ», – Вот это шик! – одобрил Пискунов, – Шерсть? – потрогал он.

– Чистая.

– Да-а-а... К такой одежде и мою дубленку, – мечтательно произнес кум, – Заказать?

– Не надо. У меня есть теплая куртка. Вон висит, – показал на вешалку.

Пискунов взглянул, ожидая, очевидно, увидеть свой подарок, но то, что увидел, заставило медленно присесть на стул. Благо, оказался рядом. А я впервые увидел, что может сделать с человеком зависть. Кум едва ни плакал от смертельной обиды:

– Она же на натуральном меху... И кожа натуральная... А качество, – огорченно констатировал он, – У нас таких не делают, – наконец с досадой махнул рукой.

– Германия, – назвал я страну происхождения.

– Сколько стоит? – расплющился он на стуле, обливаясь потом в своей подделке.

– Чуть больше пятисот.

– А деньги где взял?! – вдруг резко выпрямился кум, не поднимаясь со стула.

– Зарплату получил, – спокойно ответил ему.

Пискунов вдруг встал и, не поднимая головы, вышел. Дней десять он у нас не появлялся и даже не звонил...

В двадцатых числах декабря перечислил фирме «Romates» первый лизинговый взнос и отправил письмо банка, подтверждающее готовность выдать нам необходимую гарантию. Копии документов направил и на «Симек»...

Лед тронулся...

Буквально в канун новогодних праздников явился мрачный как туча Пискунов:

– Поговорить надо. Давай выйдем, – вызвал он меня в коридор, – Не знаю, что делать, но я не могу вернуть долги в срок, – огорошил он.

– Какой долг? Кому? – спросил его.

– Сто тысяч долларов на развитие предприятия. Мы с тобой брали у Коробкина. У фирмы «Невпроект», – напомнил он.

– Не мы брали, Вова, а ты брал... Я тех денег в глаза не видел... Кстати, насколько помню, ты брал под слово офицера. Обещал вернуть до конца этого года.

– Ты не увиливай, Толя. Отвечать будем вместе... Ты видел, на что деньги пошли.

– Не путай, Вова, одно с другим. Видеть и брать не одно и то же. Ты брал, насколько помню, ссылаясь на большой заказ.

– Да ты что, не понимаешь, это же прикрытие!.. Иначе Коробкин не дал бы денег.

– Вова, ответь честно, где деньги? – спокойно спросил его, осознав, наконец, что сто тысяч долларов бесследно исчезли из нашего проекта. Их, похоже, уже не вернуть.

– А ты думаешь, на какие средства я освобождал цех и переносил производство?! – взорвался Пискунов.

– Вова, ты дурак, или прикидываешься? Ты взял деньги

с одной целью, а истратил на другую. Это называется нецелевым использованием. Это должностное преступление!

– Какое преступление? Я что, их украл?

– Не знаю.

– В общем, так, Толик. Если ты меня не поддержишь, я выхожу из программы и не позволю ничего делать на заводе. Понял? Ты этого хочешь?

– Знаешь, Вова, я уже ничего не хочу. Делай, что хочешь, но без меня.

– Ладно, пошли к Коробкину. Там видно будет.

Выслушав Пискунова, Коробкин некоторое время не мог произнести ни слова. Он тяжело дышал, а его лицо постепенно покрылось красными пятнами.

Наконец он заговорил. Сначала тихо и медленно, четко выговаривая каждое слово. Но, приходя в себя, перешел на крик.

– Владимир Александрович, как это понимать?.. В канун Нового года, всего за два рабочих дня до окончания отчетного периода, вы вдруг заявляете, что не можете возратить ваш долг в срок... В какое положение вы меня ставите?.. Где я возьму сто тысяч долларов, чтобы закрыть этот вопрос?.. Были бы в договоре штрафные санкции, черт с вами!.. Но вы убедили не включать их в договор!.. Вы давали слово офицера, Владимир Александрович!.. Я вам поверил!.. И что теперь?! – вопрос за вопросом задавал возмущенный Короб-

кин.

– Сергей Львович, мы тут посоветовались и решили дать вам компенсацию, – елеиным голоском осторожно перебил его Пискунов.

– Какую компенсацию?! – мгновенно взорвался инвестор, – Причем здесь Анатолий Афанасьевич?! Он у меня денег не брал. Вы брали, Владимир Александрович!.. Где деньги?!

– У меня их нет, Сергей Львович, – развел руками Пискунов.

– Вижу... Когда будут?

– Они истрачены на дело... Вернуть невозможно... Анатолий Афанасьевич видел, на что истрачены.

– Владимир Александрович, повторяю вопрос... Где деньги, которые вы мне должны?

– Денег нет... Предлагаю компенсацию: пятнадцать процентов доли.

– Какой доли?.. Как с вами можно работать, если вы не возвращаете долги?.. Да мой партнер, как только узнает, тут же выйдет из дела, и никаких долей вообще не будет... Где деньги, Владимир Александрович?

– Нет денег... Есть наши с Зарецким доли... Готовы уступить за долг, – выдал Пискунов предложение, которое даже не удосужился согласовать со мной.

Возмущаться было бесполезно, потому что казалось, рушилось все дело, созданное с таким трудом. И снова по вине

этого нечистоплотного партнера.

– Никогда больше не поверю в слово офицера, – с каким-то отчаянием махнул рукой Коробкин, – Ладно, попробую погасить скандал. Если получится, поговорим об изменении долей... А пока я очень огорчен, Владимир Александрович... И это в канун Нового года... До свидания, господа, – не глядя на нас, попрощался он...

– Ишь, какой ферзь нашелся. Решать он будет, – с улыбкой победителя шел Пискунов по коридору, – С кем решать?.. Фирмочка «Невпроект» закрыта... Ничего он мне не сделает, – искренне радовался мерзавец.

А я шел рядом и так хотелось расплющить, раздавить эту гадину, поправшую все, включая неписанные законы долга и чести.

Глава 26. Банковская гарантия

– Как вам это нравится, Анатолий Афанасьевич? – вызвал Коробкин через час после скандального известия Пискунова.

– Мне это совсем не нравится, Сергей Львович... Более того, мне кажется, это не последняя его выходка, – мрачным тоном высказал свои соображения.

– Как вы думайте, Анатолий Афанасьевич, можно на него как-то воздействовать, или он совсем неуправляемый?

– Мне кажется, только через Гарбера. Хотя, как знать, похоже, этот тип и его «обушает».

– Тогда после праздников давайте встретимся с Гарбером без Пискунова.

– Нет проблем.

– И еще, Анатолий Афанасьевич, подготовьте смету на январь. Мы ее утвердим, а деньги получите после праздников у моих ребят. Я вернусь где-то во второй половине января. Тогда и решим, как наказать Пискунова. Кстати, вы видели, что он там сделал?

– Видел... На мой взгляд, там работы не больше, чем тысяч на тридцать... Наш цех теперь полностью свободен. Все стапели перенесены в цех меньшей площади. В нем и в смежном цеху сделан косметический ремонт. Только нам от этого, какой прок. Те площади мы не арендуем.

– Интересно, а где же остальные деньги? Семьдесят тысяч все-таки.

– Насколько понял, он хочет купить какое-то итальянское оборудование именно такой стоимости. Сказал, Гарбер профинансировал. Думаю, это не так, – сделал я вполне правдоподобное предположение. Коробкин с ним согласился...

Начало года запомнилось очередным демаршем Пискунова. Он приехал за январской получкой без всякого предупреждения, думая, очевидно, что Коробкин выдал мне деньги еще в старом году.

– Денег нет, – ответил на его вопрос по этому поводу.

– Я что, зря сюда ехал? – возмутился кум, – Почему это денег нет?

– Не выдали.

– А как же тогда работать? Когда этот Коробкин приедет? Вот акула капитализма, хапнул денежки и отдыхает. А тут работай на него задаром.

– Схожу на третий этаж, узнаю, – решил я прозондировать почву.

– Пойдем вместе, – увязался за мной Пискунов.

Едва вошли в офис Коробкина, кто-то из его брокеров тут же открыл сейф, достал оттуда пачку долларов и отдал мне:

– Здесь двадцать тысяч, Анатолий Афанасьевич.

– А где еще двадцать? – спросил его.

– Больше нет. Будут в следующем месяце, – ответил брокер.

– Как это в следующем месяце?! – взвился Пискунов, – Немедленно свяжите меня с Коробкиным! Ну, я его сейчас взгрею! – бушевал директор.

– Он спит. В Америке ночь, – попробовал сгладить ситуацию брокер.

– Какая разница! Я круглосуточно работаю... Будите. Не барин, – настаивал Пискунов.

Брокер набрал номер и передал трубку Пискунову.

– Сергей Львович, почему деньги выданы не в полном объеме? – сходу налетел тот на поднятого с постели инвестора, – Это Пискунов... Здравствуйте, Сергей Львович... Я не знал, что вы днем спите... В Америке ночь?! Надо же! Кто бы мог подумать... Ну, извините-извините, Сергей Львович. Виноват... Да я же говорил вам, что мне нечем отдавать. Нет у меня денег... У вас должны быть. Вы капиталист... А как нам работать без денег?.. Понял... Он здесь... Передам, Сергей Львович. До свиданья вам, – вернул он трубку брокеру.

Мы вышли из офиса.

– Вот сволочь! – выругался Пискунов, – Верни, говорит, мои деньги, тогда будет что давать... Что у него, Толик, денег нет?.. Не поверю... В общем, передал, чтобы влезли в смету за счет сокращения зарплаты... Ты как хочешь, а меня это

не устраивает... Мне, Олегу и Татьяне выдай все в полном объеме, – приказным тоном заявил он.

Кум говорил что-то еще, но я его уже не слушал. Я прикидывал, как уложиться в смету. Если вместо месячного оклада выдать тридцатипроцентный аванс, вполне можно обойтись двадцатью тысячами, решил я. Мы добрались до нашего офиса. Положил перед Пискуновым утвержденный нами документ:

– Посмотри, что тут можно сократить? – попросил его.

– Да тут действительно ничего не выбросишь, – убедился Пискунов, – Но меня это не волнует, Толик. Давай наши денежки полностью, – решительно протянул он руку.

Я отсчитал ему две тысячи семьсот:

– Вот твоя зарплата за январь.

– А Олега и Татьяны?

– Олег пусть приедет и получит аванс сам, а Татьяне передай, что мы примем ее не раньше февраля, потому что в январе ей платить нечем.

– Да ты что?! – возмутился кум.

– Другого выхода у меня нет, Вова. Ты же отказался пойти навстречу.

– Ну, Толик, я тебе этого никогда не забуду, – подскочил Пискунов и стремительно ринулся к выходу.

– Не забывай! – крикнул ему вслед...

После новогодних каникул активизировался «Уником-

банк», и вскоре стал ездить туда, как на работу. Папка нашего дела пухла и пухла, а от меня требовали все новых и новых документов.

– Игорь Григорьевич, как я могу предоставить контракты на поставки нашей продукции, если завода по ее производству еще нет? – спросил Волошина.

– Заключите предварительные контракты, – пояснил он.

– Да со мной никто разговаривать не станет, пока ни предъявлю образец. По своему опыту знаю. Да и нет такого документа «Предварительный контракт».

– Договаривайтесь, как хотите, но документы должны быть, – настаивал он, – Вот, смотрите, – открыл он сейф, – Видите, какие толстые папки должны быть... Вот когда ваша такой же будет, тогда можно и на комитет, – заключил он.

Очень помог Сычев, выдав справку на бланке отраслевого института, которая полностью подтверждала данные бизнес-плана. Откликнулся и Серджио, прислав проекты контрактов с итальянскими фирмами.

– Анатолий, фирма покупать твой камень не надо... Это нонсенс... Италия сам делать камень... Твой контракт не есть твердый контракт, – пояснил он в телефонном разговоре.

– Я знаю, Серджио... Спасибо, – поблагодарил его...

И вот настал день, когда Волошин зачитал свое заключение о проекте.

– Все, Анатолий Афанасьевич, на следующей неделе ко-

митет, – обрадовал он.

– Ура! – закричала секретарь Любовь Николаевна, которая изначально сочувствовала мне и всегда помогала, чем могла. Сколько времени сэкономила, печатая бесчисленные справки и делая ксерокопии документов. Ее ругали за это, а она все равно печатала и перепечатывала. Я тут же подписывал те бумажки, ставил печать, и они мгновенно занимали свое место в необъятной папке Волошина...

А ларчик просто открывался – Любовь Николаевна была родом из Харьковской области, а ее родители до сих пор жили в пригороде нашего родного города. И в ожидании начальства, мы нередко вспоминали памятные места детства и юности, где когда-то кипела наша жизнь...

О дате и времени заседания комитета Пискунов узнал раньше меня.

– Узнал, кто звонит?.. То-то... Почему сам не звонишь? – раздался в трубке его голос, который уже не переносил.

– Нет новостей, потому и не звоню, – ответил ему.

– Как так нет? – возмутился кум, – А комитет?

– Какой комитет?

– Что ты придумываешься, Толик? Скажи, что не хочешь меня там видеть.

– Что ты выдумываешь, Вова? Честное слово, ничего не знаю.

– Да?.. Заседание завтра в пятнадцать ноль-ноль. И ты

не знаешь?

– Не знаю.

– Завтра в двенадцать будь в банке. Надо встретиться с одним человечком... Коробкин прилетел?

– Нет еще... А что за человечек?

– Не по телефону, – как обычно «засекретился» Пискунов...

С утра позвонил Волошину и спросил, почему он не предупредил о предстоящем заседании.

– А зачем, Анатолий Афанасьевич?.. Ваше присутствие не требуется, а лишние волнения вам ни к чему. Результаты узнали бы завтра, – пояснил Игорь Григорьевич...

Что ж, придется поволноваться. И я отправился в банк на встречу с «человечком» Пискунова.

Этим «человечком» оказался некто Егиазарян, заместитель председателя правления банка. Мы вошли в роскошную приемную, и Пискунов тут же прошептал что-то молоденькой секретарше. Та сразу поднялась и прошла в кабинет.

– Ашот Геворкович вас сейчас примет, – объявила она, вернувшись...

Как и на приеме у Власова, Пискунов, оттеснив меня, вошел в кабинет первым. Пусть идет, решил я. Мне не о чем было говорить с тем человеком – Пискунов не посвятил в свои планы, а иных у меня не было. Зато, войдя в тени «лидера», успел оглядеться. Столь роскошного кабинета еще

не видел. Что ж, восток есть восток...

Пискунов, как обычно, произнес сумбурную речь о трудностях Пороховского завода и о той угрозе властям, которую несут нищие жители Порохова.

– А я здесь причем? – широко улыбаясь, спросил Егиазарян, – Я не власть и даже не знаю, где это ваше Порохово.

– Вы можете стать нашим благодетелем, если проголосуете в поддержку нашего проекта на кредитном комитете, – объяснил Пискунов.

– Я не буду на заседании, так что, ребята, ничем не могу вам помочь. Вы мне нравитесь, но извините, пожалуйста, – привстал хозяин кабинета, демонстрируя окончание беседы.

– Выйди, я сам поговорю, – шепнул кум, хотя я и так не произнес в том кабинете ни слова. Не простившись, вышел. В приемной увидел знакомое сооружение на колесиках и официантов сопровождения.

«Так вот куда все это великолепие возят», – обрадовался неожиданному открытию.

– Пойдем, – дернул за рукав выскочивший из кабинета Пискунов и потащил по коридору в какой-то закуток, – Давать надо, – шепнул он. Я молчал, – Привет ему передал от Пучковских армян... Сразу переменялся... Обещал помочь... Но без подарка не обойтись... Надо срочно Коробкина трясти, – выдал он предложения в своем репертуаре.

– Да ты и так его неслабо потрянул, – намекнул ему.

– Я не для себя, а для дела, – сердито огрызнулся кум.

– Ну-ну, – не поверил я.

– Что ты думаешь, Толик, мне много надо?.. Ну не съем же я один шесть бутербродов с икрой. И на двух «Мерседесах» не смогу ездить одновременно. А вы с Коробкиным мне не верите, – еще с полчаса уговаривал Пискунов поверить в его честные намерения.

Но, как ни старался, что-то не верилось.

«Сожрет и дюжину, не подавится. И на трех „Мерседесах“ исхитрится проехаться», – развеселила мысль...

Минут за пятнадцать до начала, заняли наблюдательный пост в вестибюле зала заседаний. Потянулись участники.

– А вы здесь зачем? – удивился, увидев нас, Волошин.

– Волнуемся, – ответили мы.

Прошли мимо, даже не заметив, Пашвыкин с Мерзликиным... Пошел, наконец, сам Власов.

– Здравствуйте, Виктор Васильевич, – вскочил и поклонился Пискунов.

– Здравствуйте, – с удивлением ответил Власов, повернувшись в нашу сторону.

Неожиданно наши взгляды встретились:

– Здравствуйте, Анатолий Афанасьевич, – узнал он меня и протянул руку, – Ваш проект будем обсуждать? – догадался он.

– Верно, – ответил ему.

– Болеть пришли?

– А как же.

– Думаю, все будет в порядке, – благожелательно сказал он и прошел в зал...

Через полчаса с нашей папкой вышел Волошин.

– Ну, как? – бросились к нему. Он безнадежно махнул рукой:

– Мерзликин провалил. Пойдемте, расскажу, – пригласил нас к себе...

В кабинете Волошин рассказал, что вначале все шло, как обычно. Он представил проект и зачитал заключение. Вывод был настолько очевидным, что председатель собрания Власов предложил голосовать сразу, без обсуждения. Все дружно проголосовали за выдачу банковской гарантии. И тут поднялся Мерзликин и заявил, что банк ведет неправильную политику – по рекомендациям областной администрации выдает «пустые» гарантии, а это непорядок.

– Что значит, пустые? – не понял Пискунов.

– Без залога, – пояснил Волошин, – У нас всегда гарантом выступала областная администрация. И не было проблем... А недавно Егиазарян, заместитель Власова, начал мутить воду. Потребовал, чтоб залоги были конкретными... Переписали все имущество области и оформили в залог. И тут начались какие-то махинации с областным имуществом. Пошли слухи, что за всем этим стоит Егиазарян... Когда они схватились с Власовым, тот даже на заседания перестал ходить... А сейчас его политику проводит Мерзликин. Так что, гос-

пода, наша битва только начинается... Завтра в двенадцать ноль-ноль нас ждет Галаничева.

– А это кто такая? – спросил Пискунов.

– Наш президент. Председатель правления банка, – ответил ему Волошин...

В двенадцать ноль-ноль мы с Пискуновым и Волошиным вошли в кабинет Галаничевой. Там уже находились оба вице-президента – Пашвыкин и Мерзликин.

Встреча прошла на редкость продуктивно. Галаничева полистала наше «дело». Внимательно прочла выводы заключения Волошина.

– У вас срочный договор? – спросила меня. Я кивнул.

– Срочный-срочный, очень даже срочный. Все надо делать быстро, – влез Пискунов. Я чувствительно, от души, наступил ему на ногу, а Галаничева с удивлением взглянула на странного клиента, внезапно подпрыгнувшего на стуле.

– Первый срок выдержали? – продолжила она. Я снова кивнул, – Мы дадим вам гарантию, Анатолий Афанасьевич.

– Как же так? – не согласился с ней Мерзликин.

– Банк даст гарантию в договорные сроки, – твердо повторила Галаничева, – Ответственный Пашвыкин... Параллельно должен быть оформлен имущественный залог. Ответственный Мерзликин... Желаю успехов, господа, – попрощалась с нами Галаничева.

– Анатолий Афанасьевич, подождите в приемной, – по-

просил Мерзликин...

– Ты что это мне чуть ногу не отдал? – выразил свое недовольство Пискунов, едва вышли в приемную.

– Значит, заслужил, – ответил ему и пояснил, что наш договор срочный, не потому, что его надо срочно выполнять, а потому что там указаны конкретные даты платежей. Директор завода Пискунов слышал об этом впервые...

А через полчаса мы уже сидели в кабинете Мерзликана, и уже минут через десять нашего разговора предвзятое отношение к человеку, провалившему решение кредитного комитета, развеялось. Мы наметили четкий план действий и немедленно приступили к его исполнению...

– Говорил, что надо давать, – продолжил убеждать Пискунов по пути к Власову, куда мы отправились прямо от Мерзликина, – Уверен, Егиазарян ничего не сделает без подношения, да и этот Мерзликин тоже. Надо срочно доить Коробкина. А то зажал денежку... Тысяч сто точно потребуются, – ловко рассчитал он сумму взяток.

– Вова, как раз ровно столько ты должен Коробкину, – куснул я кума.

– Ничего я ему не должен, – взорвался он, – Деньги я истратил на подготовку цеха. Он мне еще должен за то, что цех не работал из-за переноса оборудования. Упущенная выгода называется.

– Какая такая выгода, Вова? Что ты там мог упустить, ес-

ли завод вот уже год вообще не работает. Ты банкрот, Вова, а до сих пор жив, благодаря Гарберу и Коробкину. А выходит, они тебе еще и должны? Лихо.

– Любишь ты умничать, Толик, – обиделся кум и замолчал...

Власов принял сразу. Когда доложил о решении Галаничевой и разговоре с Мерзликиным, он тут же куда-то позвонил.

– Езжайте в имущественный комитет. Возьмите справку об активах области и отвезите в банк. Пусть выберут подходящий объект залога. Потом ко мне. Придется выносить на правительство и областную думу. Если дадут добро, будем оформлять залог. В общем, мороки месяца на два, – «обрадовал» нас Власов.

– Это невозможно, Виктор Васильевич. Все сроки лизингового договора летят, – расстроился я.

– У вас все может полететь, Анатолий Афанасьевич, а вы о каких-то сроках, – «успокоил» вице-губернатор...

И начались наши мытарства по чиновничьим кабинетам. Пискунов не отпускал ни на шаг. Но если я воспринимал каждый наш поход в очередную инстанцию как божье наказание, то кум, казалось, испытывал блаженство от общения со странной кабинетной публикой. Здесь он был как рыба в воде. И куда бы ни попадали, выйдя из очередного кабинета, заявлял одно и то же:

– Давать надо, иначе ничего не будет.

Но Коробкина не было, и давать было нечего, а ситуация рассасывалась сама собой без всяких подачек. Но это Пискунова почему-то не радовало. Мне даже показалось, что в тот момент он скорбел «об упущенной выгоде»...

В конце января объявился, наконец, Коробкин. Его физиономию украшал неестественный в это время года летний загар, а сам он, в отличие от нас, излучал энергию хорошо отдохнувшего человека.

Мой доклад о проделанной работе его вдохновил.

– Что ж, Анатолий Афанасьевич, пора и Пельмана дергать. Первый взнос ему отослали, решение банка и областного правительства отослали, а он даже с «Симеком» не связался.

– Дерну, Сергей Львович. Сегодня же позвоню Айдакову, а завтра направлю факс Пельману.

– Хорошо. И пригласите Пискунова. Надо решать с его долгом. Скандал мне удалось предотвратить. Теперь надо деньги возвращать.

– Нет у него этих денег, Сергей Львович. Он считает, что израсходовал их на нашу программу. Да еще толковал о какой-то упущенной выгоде.

– Ну, паразит, я ему завтра покажу упущенную выгоду, – вышел из себя Коробкин...

Связался с Айдаковым:

– Нет, Анатолий Афанасьевич. Пельман начнет работать, когда получит хотя бы копию банковской гарантии.

– Разве аванса ему недостаточно? Да еще две такие солидные бумаги ему направили.

– Нет. Я с ним не первый год работаю. Знаю его порядки. Пусть банк вышлет копию банковской гарантии и укажет срок отправки оригинала, – посоветовал он.

Советы советами, но факс Пельману все же отправил. Пусть он, а не Айдаков, скажет мне то же самое...

Айдаков не ошибся. В тот же день получил ответ Пельмана. Показал Коробкину:

– Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Теперь долбите банк.

– Само собой. Только пока мы еще безуспешно долбим областную администрацию.

– А где Пискунов?

– Сидит в офисе. Пригласить?

– Не надо. Я сам... Мариночка, пригласи Пискунова, – попросил он...

Минут через пять вошел сияющий умильной улыбкой Пискунов:

– Как вам отдыхалось, Сергей Львович?.. Вижу-вижу... Загорели на югах, пока мы тут вламывали с Анатолием Афанасьевичем.

– Это хорошо, Владимир Александрович, что вы вламывали... Надеюсь, теперь могу получить с вас должок?

– Сергей Львович, какой должок?.. Бог с вами... Мы же договорились.

– Ни о чем мы не договорились, Владимир Александрович... Вы договор не выполнили. Мне пришлось в канун Нового года разбираться с неприятностями. А вы говорите, договорились... Где деньги, Владимир Александрович?

– Ну, нет денег, Сергей Львович. И взять их неоткуда...

– Возьмите у Гарбера. Он же ваш партнер.

– Сергей Львович... Я же вам лучше предложение сделал. У вас же будет тридцать пять процентов акций... Вы же станете самым крупным нашим акционером. Мы все будем на вас молиться.

Не знаю, что случилось с Коробкиным, но он неожиданно сменил гнев на милость:

– Ну, хорошо, господа. Закроем этот вопрос. Молитесь, Владимир Александрович... Что там у нас еще, Анатолий Афанасьевич?

– Сергей Львович! – вдруг просиял Пискунов. Казалось, мгновение, и он бросится на колени перед Коробкиным, – Век вам буду благодарен. Спасибо... И еще, Сергей Львович, мы тут с Зарецким мыкаемся по инстанциям. Не пройти их без подарков. У меня в этом деле большой опыт. Выделите тыщонку-другую на подарки.

– Что с вами делать? – встал Коробкин из-за стола. Он открыл сейф, вынул пачку денег, потом доложил к ней еще несколько бумажек и передал мне, – Здесь двадцать одна ты-

ссяча, Анатолий Афанасьевич. Тысячу доложил на подарок.

– Спасибо, Сергей Львович. Спасибо, наш благодетель, – запричитал Пискунов.

– Не юродствуйте, Владимир Александрович, – поморщился Коробкин...

– Не хочешь поделиться? – задал свой традиционный вопрос Пискунов в коридоре. Его наглость уже не удивляла, она стала чем-то обыденным в поведении этого типа.

– А ты? – задал ему встречный вопрос.

– Чем? Деньги у тебя.

– Это капля в море... А вот твоя добыча где, интересно, Вова? Не хочешь поделиться?

– Какая добыча? Что ты мелешь?.. За это и схлопотать можно, Толик.

– Даже так?.. Это что-то новенькое в наших отношениях... Что ж, попытай счастья, – остановился я в темном безлюдном коридоре, мгновенно изготовившись к бою.

– Дурак ты, Толик, – вдруг сменил гнев на милость кум, – Думаешь, тебе твое каратэ поможет?.. Да любого каратиста легко пулей снять, – высказался он.

«Вот оно что... Испугался, герой», – мысленно рассмеялся я. Вспомнил, очевидно, мои восторженные рассказы о наших «боях» на крыше, когда мы с ребятами осваивали запрещенные тогда восточные единоборства... Решил запугать своим пистолетиком, который с гордостью показал, когда я

впервые приехал в его дачный домик... Но его оружие далеко, а мое всегда при мне...

– Ладно, герой, пошли, – двинул я в сторону нашего офиса. Шагов за собой не слышал. Оглянувшись, не увидел и Пискунова...

Вечером он позвонил:

– Ты что, на меня обиделся? – задал он странный вопрос.

– С чего ты взял? – спросил его, – На таких как ты обижаться невозможно.

– Это правильно, – не дослушав, перебил кум, – Приезжай завтра в Порохово.

– Зачем?

– Увидишь, – ответил кум и положил трубку.

«Неужели пистолетик покажет или своих бандюков?» – подумал я, но решил все же ехать. Вряд ли рискнет на что-то кроме запугивания. Не в его интересах...

Директор принял в своем кабинете:

– Один приехал?

– Как видишь.

– Электричкой?

– Чем же еще... Кстати, пригласи Олега и Татьяну. Я им зарплату выдам. Теперь деньги есть.

– Отлично, – обрадовался кум, – Давай сюда, я им сам передам. Нечего их отвлекать, пусть работают.

– Пусть, – согласился с ним и отдал деньги, – Зачем при-

глашал?

– Пойдем в цех, – вместо ответа пригласил он на прогулку.

А в цеху уже были люди. Сразу узнал Петросяна. Он меня тоже.

– Анатолий Афанасьевич, – обрадовался он, – Самый большой станок нельзя здесь размещать. Будем рыть котлован, эта стена обязательно рухнет. Да и эта может.

– Не вижу проблемы, – ответил ему, – Закрепите. Вы же знаете, как.

– Знаем, но это дорого, – разумно ответил он.

– Что предлагаете?

– А можно метров на шесть отступить вправо?

Я посмотрел генплан и дал добро на изменение. Поразмыслив, добавил:

– Что-то вы торопитесь, ребята... Договор не подписан, сметы нет... Да и начинать надо с геологических изысканий. А вдруг здесь грунтовые воды близко, или пlyingуны, – высказал свои опасения.

– Какие пlyingуны! – мгновенно вспыхнул Пискунов, – Цех уже сколько лет стоит.

– Вова, я не с тобой, а с Петросяном говорю. Он знает, какие... Взял бы, Вова, обыкновенную лопату, да хоть шурф прокопал. Ситуация сразу бы прояснилась.

– Что тут прояснять? Когда цех строили, все сделали как надо.

– Сделали, так сделали, – согласился я...

Через неделю Пискунов привез проект договора и смету:

– Подписывай, – сунул он последние листы, – Печать у тебя или у Коробкина?

– Вова, оставь документы. Изучу, тогда подпишу.

– Что их изучать?.. Их умные люди делали... Что ты в этом понимаешь? – засуетился кум, – Я их сегодня должен вернуть, – выдал он свой последний аргумент.

– Возвращай, – отдал ему неподписанные листочки.

– Смотри, – швырнул он на стол папку и пулей выскочил из кабинета.

Едва глянул на цифры, сразу стало ясно, что стоимость работ завышена минимум в два раза. Проверив ряд расчетов, обнаружил «ошибки». Они были настолько грубыми, что все сомнения в их случайности мгновенно отпали.

Особенно «порадовал» расчет налогов: их сосчитали для каждой работы в отдельности, а затем добавили повторно, рассчитав еще и для суммарной стоимости всех работ. В результате итоговая сумма налогов превысила реальную как минимум в два с половиной раза.

– Подписал? – спросил возникший через час Пискунов.

– Это подписывать нельзя, – сказал ему и показал выявленные «ошибки».

– Много ты понимаешь, Толик. У них методика расчетов такая, – неуверенно заявил кум.

– Знаю, – ответил ему, – У меня знакомый офицер строй-

бата утверждал, что яма, размером метр на метр и метр в глубину это три кубометра, а не один. И тоже ссылался на методику, размахивая при этом метром... А теперь посмотри, сколько у них стоит кубометр бетона?.. В два раза дороже, чем у москвичей.

– Откуда ты все знаешь? – с досадой спросил он.

– Позвонил, – ответил ему. Пискунов взял бумаги и вышел из офиса...

Через неделю молчания он позвонил снова:

– Срочно приезжай.

– Что за срочность?

– Не по телефону.

И вот я снова оказался в цеху в обществе Петросяна и его помощников. Но в этот раз меня ждал сюрприз: отрытый экскаватором котлован, на дне которого бурлила вода, и гулко работал мощный насос, откачивая ее куда-то по толстым трубам.

– Это еще что такое? – поразился я.

– Что я лопатой должен был копать? – возмутился кум, –

Вот, взяли экскаватор, – виновато развел он руками.

Я уже не знал, смеяться, или плакать. Два директора стояли передо мной с видом провинившихся школьников, хотевших сделать доброе дело, но не рассчитавших свои силы и вызвавших искусственное наводнение.

– Ну и сколько прокопали?

– Четыре метра, – ответил Петросян, – Еще два надо. А попали на ручей. Качаем уже третьи сутки, а вода не убывает.

– Она и не убудет, раз это ручей... И что делать? – спросил его.

– Кессон, – ответил он.

– Засыпьте, как было, и дело с концом, – посоветовал ему.

– Что ты болтаешь?! – врезался в разговор Пискунов, – Чем засыпать? Мы же всю землю вывезли на свалку. Знаешь, сколько это самосвалов?

– Знаю. Видел в смете... А это что такое? – обнаружил за экскаватором гигантское сооружение из арматуры.

– Арматура фундамента, – пояснил Петросян, – Мы ее связали прямо наверху, чтоб проверить. Если удастся, сразу опустим в котлован.

– Что за самодеятельность? Арматуру собирают по месту... Немедленно прекратите все работы, вплоть до подписания договора, – распорядился я, – Все понял? – обратился персонально к Пискунову.

– Понял, – мрачно ответил кум под журчание выпущенного им на волю подземного источника и мерный стук водяного насоса, бессмысленно поглощающего кубометры воды и невероятное количество киловатт-часов электроэнергии...

Пискунов надолго исчез, утонув в рукотворном болоте

бессмысленных хлопот, а я заметался от инстанции к инстанции чиновничьих барьеров. Время шло. Приближался срок предоставления банковской гарантии, и я обратился к Пашвыкину.

– Это не проблема. Мы подготовим банковскую гарантию, – бодро заявил он и дал поручение своей помощнице.

Уже через час текст документа был согласован со всеми.

– По договору текст должен быть на английском языке, – сказал я исполнителю.

– Не проблема, – ответила она, и уже через час показала документ на бланке.

– Красиво, – одобрил, вчитываясь в английский текст.

– Его еще надо подписать у руководства и взять регистрационный номер. Зайдите через час, – попросила она.

И я зашел... Я не верил своим глазам. Мне показали полностью оформленную банковскую гарантию на четыре миллиона долларов. Живой документ, гарантирующий наше безоблачное будущее, лежал передо мной...

– А что с ним делать? – спросила помощница.

– Отправьте факсом по этим номерам, – дал ей номер фирмы «Romates» и номер «Симека».

– Готово, – отдала она факсовые квитанции, – А куда отправлять оригинал?

– Давайте, сам отправлю, – предложил ей.

– Тогда распишитесь, – подала она какой-то журнал. Я расписался. Мне вручили заветную бумажку, и я как во сне

вышел на бесконечные лоджии «Уникомбанка».

Я пытался сообразить, что произошло. У меня в руках был бесценный документ и странное ощущение, что украл четыре миллиона долларов...

Неожиданно лоб в лоб столкнулся с Любовью Николаевной.

– Что с вами, Анатолий Афанасьевич? – с тревогой спросила она. Я показал документ, – Как вам это удалось? Ну, поздравляю, – протянула она руку.

– Не с чем, Любовь Николаевна, – ответил ей и поделился своими сомнениями.

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич! Вам давно бы выдали этот документ, если бы ни козни Мерзликина... Радуйтесь. Наконец, он у вас.

– Не знаю, Любовь Николаевна... Радости что-то нет. Очень уж не хочется людей подводить.

– Да кого вы подводите? Вы же, надеюсь, собираетесь выполнять ваши обязательства?

– А как же!

– Тогда эта гарантия всего лишь бумажка... Если есть проблемы, оставьте ее пока у меня... Положу в сейф... Скажете, отдам или вынесу, – предложила она.

Не знаю, почему, но я тут же отдал ей ценную бумагу и отправился не выход...

– Анатолий Афанасьевич? – посмотрел в мой пропуск

охранник на выходе из банка. Я кивнул, – Пройдите, пожалуйста, в ту комнату, – пригласил он.

Мы вошли в комнату без окон, где стоял маленький столик и пара стульев.

– Анатолий Афанасьевич, что у вас в папке? – спросил охранник.

– Документы, – ответил я.

– Можно посмотреть?

– Это обыск? – спросил его, – На каком основании?

– Что вы... Вы можете ничего не показывать... Но не советую.

– Пожалуйста, – открыл я папку и показал содержимое.

– Спасибо, – сказал охранник и вышел из комнаты. Раздался характерный щелчок замка. Я подошел к двери. Она, разумеется, была заперта.

«Попался... Типичная КПЗ», – мысленно рассмеялся я...

Меня продержали в банковской КПЗ часа три. Наконец щелкнул замок, и дверь открылась.

– Вы свободны, Анатолий Афанасьевич. Но выйти сможете, когда переговорите с господином Мерзликиным. Он вас ждет, – сообщил охранник.

За три часа «отсидки» решил, что бессмысленно испытывать судьбу, а главное ставить под удар ни в чем не повинных людей. Понимая, что за мной могут следить, вспомнил детские навыки отрыва от слезки. Помогло хорошее зна-

ние лабиринтов уникального здания «Уникомбанка». Сразу же вспомнил расположение непросматриваемых «карманов» его лоджий-переходов.

В одном из «карманов» обнаружил испуганную Любовь Николаевну. Она сунула мне документ и мгновенно исчезла. Тут же бросился к помощнице Пашвыкина.

– Знаете, пожалуй, этот документ мне ни к чему. Вычеркните меня из вашего журнала, – попросил, возвращая документ.

– Спасибо, – благодарно посмотрела она, не сказав больше ни слова.

Я же, уже не скрываясь, направился к Мерзликину.

– Вы хотели меня видеть? – спросил его.

– Где гарантия, Анатолий Афанасьевич?

– У исполнителя.

– Не может быть, – удивился он.

Я пожал плечами. Мерзликин тут же позвонил. Выслушав ответ, улыбнулся:

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич. Вы все правильно сделали. До свидания, – протянул он руку.

Из банка вышел беспрепятственно.

Глава 27. Медвежья услуга

Сразу же поехал в офис. Там царила паника.

– Ты где был? – спросила Светлана, – Тут тебе куча факсов на английском языке. Сергей Львович рвет и мечет, куда ты делся, – проинформировала она...

– Анатолий Афанасьевич, вы хотя бы изредка сообщайте, где находитесь. А то мы тут с ног сбились, – сходу налетел взволнованный Коробкин.

– Арестовали меня, Сергей Львович. Три часа просидел в КПЗ банка, – огорошил его и рассказал о своих банковских приключениях.

– Ну, вы герой, Анатолий Афанасьевич! Такое дело провернули... Вам надо мобильный купить. Хоть сообщили бы, где вас искать.

– Не уверен, что из той комнаты можно дозвониться. Она наверняка не только звукоизолирована, но и непрозрачна для радиоволн.

– Пожалуй, так, – согласился Коробкин, – Ну что, теперь надо срочно активизироваться... Пожалуй, можно и к строительству приступать, Анатолий Афанасьевич. Как думаете?

– Да Пискунов уже активизировался, целый источник открыл. Чуть завод ни утопил, – и я рассказал ему об инициативе кума и ее последствиях.

– Ну, Пискунов, – возмутился Коробкин, – Мне его медвежьи услуги уже поперек горла... Надо к нему контролеров приставить... На следующей неделе привезу своего брата. Вы его подучите, Анатолий Афанасьевич, и мы его прямо в Порохово и поселим. Будут свои глаза и уши, – предложил Коробкин. Я, разумеется, согласился.

Пока разговаривали, Марина перевела документы, и мы с удовольствием прочли поздравления Пельмана и Чендерелли.

Вернувшись от Коробкина, позвонил Айдакову и сообщил нашу новость. Порадовались вместе...

Вечером позвонил Пискунов:

– Анатолий, мы ручей перекрыли. Теперь вода натекает, но понемногу. Откачиваем слабеньким насосом два раза в сутки. Петросян говорит и эту перекроем, – сообщил он.

– Вова, гони ты этого Петросяна. Пока ни подпишем договор, нечего ему там делать, – приказал куму...

С утра отправился в имущественный комитет, где получил, наконец, гигантский перечень имущества области, не состоявшего в залоге.

С неприятным чувством опасности вошел в здание «Уникомбанка», казавшееся теперь комфортабельной тюрьмой. Мысленно улыбнулся: «Выйду ли сегодня отсюда?»

Зашел к Волошину:

– Что за переполох вы вчера устроили, Анатолий Афана-

сьевич? – спросил тот.

– Ну, положим, не я, а ваши исполнители. Выдали на руки банковскую гарантию... Вышел от них, а тут что-то желудок прихватило... Пришел в себя, отнес документ, а они, оказывается, уже Мерзликину доложили. Тот и устроил переполох... Пришлось зайти, успокоить.

– Вы и у Мерзликина были? Что он сказал?

– Поблагодарил и все. А что они так переполошились, Игорь Григорьевич?

– А как же, Анатолий Афанасьевич. Гарантия это ценная бумага. Ее можно легко продать... Вполне могли бы сразу стать богатым человеком.

– А потом в тюрьму, – добавил я, и мы понимающе рассмеялись...

Чуть позже подозвала Любовь Николаевна:

– Ну, Анатолий Афанасьевич, вчера натерпелась страха... Вы едва ушли, смотрю, охранники забегали. Вижу, вас не выпустили из банка. Ну, думаю, влипла... Сунула документ за пожарный щит, и на рабочее место. А охрана тут как тут. Спрашивают, был у вас Зарецкий. Сказали, нет. Покрутились, ушли. Ну, а потом я часа два дежурила, где мы встретились... Я так и подумала, что вы захотите документ вернуть, – рассказала она, и мы весело рассмеялись...

Вместе с Волошиным зашли к Мерзликину. Они долго изучали объемистый перечень. Кончилось тем, что Мерзли-

кин поручил Волошину сделать ксерокопию и представить предложения по залогу.

– Что там представлять, – ворчал Волошин, – Остались одни хлебозаводы и хладокомбинаты. А эти объекты администрация никогда в залог не даст. Вот вам и представление, Анатолий Афанасьевич.

Через неделю объявился Пискунов:

– Ну, что там, в имущественном комитете?

– Да никак с залогом не определятся, – ответил ему.

– Говорил, надо давать! – взвился кум, – Поехали, – решительно двинулся он к выходу.

– Далеко собрался? – спросил его.

– В имущественный комитет, – ответил он.

– Да туда добираться часа полтора. Как раз в обед попадем, – предупредил его.

– Я на машине. Минут за пятнадцать доедем. Заодно посмотришь мою машину.

– Видел я твой драндулет.

– Это другая. Отобрал, наконец, у председателя правления. Пусть теперь на моей поедит. Не барин... Черная «Волжанка», – похвалился кум.

– Ну, Вова, ты теперь правительственный гусь.

– А то, – гордо усмехнулся довольный кум...

Взвизгнули тормоза, и мы остановились у пункта обмена валюты.

– Деньги давай, – протянул руку кум.

– Какие деньги? – спросил его.

– На подарок. Разменять надо.

– Сам разменяю, – вышел я из машины и направился к «обменнику».

– Значит, не доверяешь? – спросил поспешивший за мной кум.

– А ты? Что в машине не сидится? – ответил ему.

– Вот чудак. Я, чтоб тебя не ограбили. Охрана, – заулыбался он.

Мы разменяли доллары и поехали дальше.

– Стой! – остановил он водителя у ювелирного магазина, – Со мной пойдешь, или здесь посидишь? – спросил он.

– Иди уж ты со мной, охранник, – пригласил его, – Или надсмотрщик, – добавил после паузы и тут же поймал недоброжелательный взгляд «партнера»...

– Вот, шикарный гарнитур, – показал Пискунов, – Как раз на всю сумму. Покупай.

– Вова, что у тебя со вкусом?

– Какой такой вкус? Это золото. Оно все вкусное. Особенно на халяву. Покупай, не морочь голову. Я буду вручать. Зато сегодня же все проблемы решим, – уговаривал он.

Махнув рукой, купил какие-то нелепые побрякушки. Взял копию чека.

– А это еще зачем? – недовольно спросил кум.

– Для отчета, Вова, для отчета... И у тебя чтоб на любую

трату впредь была бумажка, иначе не оплачу. Хватит с нас партизанщины, – приказал ему.

Кум промолчал...

– Давай игрушку. Пойду, вручу, – сходу ринулся он в бой. Минут через пять Пискунов выскочил из кабинета, красный как рак.

Следом за ним выглянула председатель комитета:

– Анатолий Афанасьевич, зайдите, – пригласила она. Я зашел, – Это вы прислали того типа с бирюльками? – сердито спросила она.

– Нет. Это его инициатива.

– Пусть он больше мне на глаза не показывается, этот ваш холуй... Неужели я дала вам повод, чтобы предлагать взятку?.. В следующий раз вызову охрану, и сдам в милицию... Идите, Анатолий Афанасьевич. Я очень огорчена, – не поверила она.

Я вышел:

– Пошли, взятодатель, – пригласил кума, – Сдавай подотчетную вещицу, – протянул я руку.

– А я все оставил на столе, – спокойно пояснил кум, – Ты что, Толик, не понял?.. Да эта «честная» дама с тобой целый спектакль разыграла... Высунулась из кабинета, чтоб проверить, не ждут ли в приемной, чтоб взять с поличным... А потом на всякий случай на прослушку поработала – тебя отчитала... Сейчас любитесь подарком, сволочь... Нет, чтоб спа-

сибо сказать человеку и сделать ему доброе дело, какое просит... Отлаяла, как собаку... Вот и делай после этого добро людям, – недовольно проворчал он.

– А ты не делай, – предложил ему, – Все это медвежьи услуги, Вова. С этими подарками можно действительно подвести под статью честного человека.

– Ладно, Толик. Нашел честных. Все они взяточники... Подарок-то взяла, – удовлетворенно заявил он. Не знаю, почему, но не поверил тогда куму, и оказался прав. Но об этом позже...

В середине февраля прилетели Лариса с Серджо. И я снова встретил их на «Мерседесе» Коробкина.

– Все, мой друг Анатолий. «Симек» делать ваши маккини, – сообщил Серджо хорошую новость, – Мой президент сказал, можно люди прислать Италия. Учить работать маккини. Жду ти, – улыбнулся он.

– Мне нельзя... Галеры, – пошутил я.

– Да ладно вам, Анатолий Афанасьевич, – рассмеялась Лариса, – Он и вправду может подумать, что сидели в тюрьме, – и она что-то сказала Серджо по-итальянски. Тот рассмеялся:

– Скерцо?.. Э бурлонэ, Анатолий.

– Вы шутник, – перевела Лариса...

В тот же день начали формировать группу для поездки в Италию. В офисе уже было полно народу.

В конце января появился, наконец, Гарбузов и с подачи Коробкина стал сопровождать меня повсюду:

– В случае чего, даст знак, что вас надо спасать, Анатолий Афанасьевич... Вы теперь у нас фигура номер один. Лучше вас никто ничего не знает... Кстати, пора подумать и о сырье. Вы говорили, у вас в Киргизии друг. Пригласите его к нам. Переговорим, – подал он хорошую идею...

Вскоре появился и Владимир Львович, старший брат Коробкина. Темными волосами и усиками сразу напомнил мне Рабкина, моего сослуживца по РКК «Энергия». А за свой зычный голос Коробкин старший мгновенно получил подпольную кличку «Рында». Он с трудом вникал в новое для него дело, и я понял, что запланированная братом должность главного инженера ему не по плечу.

– Слушай, Толя, – обратился как-то ко мне Сергей, – Встретил недавно Емельянова. Жаль его стало. Заездили на работе, а денег не платят месяца по два к ряду. Совсем деградировало наше НПО «Энергия»... У нас ни найдется для него что-нибудь? Двое детей все-таки.

– Пусть приходит, – согласился я. И недели через две Николай вышел на работу.

Не отставал и Коробкин:

– Анатолий Афанасьевич, нам электрик нужен?

– А как же, – ответил ему.

И в следующий понедельник мне представили «талантливого» электрика Женю Черемных, привезенного из Питера.

Коробкин, Гарбузов, Черемных и Емельянов были определены в группу «специалистов», которая должна стать ядром нашего будущего предприятия...

Тут же посадил их изучать документацию, но энтузиазма не наблюдал. Зато, войдя как-то в офис, услышал:

– Кванта коста уна донна? – густым баритоном гудел Рында, обращаясь к Гарбузову, державшему в руках самоучитель итальянского языка.

– Какая вам донна, синьоры, с вашими командировочными? – рассмеялся я, – Учите лучше документацию, специалисты по доннам.

– Да это мы, Анатолий Афанасьевич, чтоб веселее учить язык, – смутился Коробкин старший.

– Я так и понял, Владимир Львович... Попробуйте заодно разобраться с технической терминологией. Тоже пригодится. Спрашивайте, если что непонятно, – посоветовал им.

«Эх, мне бы попасть на „Симек“. Уж я бы там постарался все разузнать по максимуму», – впервые позавидовал ребятам...

У Гусева, где давно уже не был, вдруг встретил Ганича:

– Виктор Федорович, сколько лет, сколько этих самых, – обрадовался я, – Ну, как, нашли работу?

– Да какая там работа, Анатолий Афанасьевич. Эти демократы и близко меня к журналистике не допустят. А я ничего другого не умею... А вы как? Сделали что-нибудь? – спросил

он, но, взглядываясь в мои обнови, мгновенно сообразил, – Вижу, сделали, Анатолий Афанасьевич. Поздравляю.

– Пока не с чем, Виктор Федорович, но прогресс на лице, – пошутил я, – Заходите, буду рад, – дал ему свою визитку с нашими телефонами и адресом...

Он не заставил себя ждать, и вскоре появился в офисе. Ребята, узнав в нем человека, которого когда-то часто видели по телевизору, тут же окружили с расспросами.

– Не думал, что меня еще помнят, – растроганно сказал Ганич, – Может у вас найдется для меня местечко, Анатолий Афанасьевич? Паблик рэлэйшн, или еще что-нибудь по этой части? – грустно спросил бывший журналист-международник.

И уже через неделю выражение «Паблик рэлэйшн» стало его официальным прозвищем, которое, судя по реакции, ему очень нравилось...

Вскоре оказалось, что у Ганича полно друзей в МИДе, и он с радостью принялся за оформление паспортов и виз нашим «итальянцам»...

– Анатолий Афанасьевич, в восемнадцать ноль-ноль будьте у выхода из метро «Добрынинская». Туда подъедут Владимир Александрович и Серджио с Ларисой. Там вас подхватит мой водитель. Едем в ресторан, – выдал команду Коробкин.

– В честь чего, Сергей Львович? – спросил его.

– Разве в рестораны ходят в честь чего-то? – удивился Коробкин.

– Не знаю, я не большой знаток. В ресторанах был не больше десятка раз.

– Все еще впереди, Анатолий Афанасьевич. Вся деловая жизнь крутится вокруг ресторанов, – заявил многоопытный партнер...

На «Мерседесе» Коробкина мы въехали прямо в Даниловский монастырь.

– О-о-о! – выйдя из машины, восхищенно оглядывал монастырский двор Серджо.

Мы прошли в трапезную. За накрытым столом уже сидели Коробкин с Людмилой и интеллигентная пожилая пара. Познакомились. Вот теперь я был уверен, что передо мной истинный партнер Коробкина, мечтающий о свечном заводе.

Очень скоро Серджо снова стал душой компании, и лишь незадолго до окончания ужина Сергей Львович предоставил мне возможность побеседовать с его партнером. Море вопросов не утопило меня, и мы расстались, довольные друг другом.

Уже в девять вечера, когда мы толпой вышли на крыльцо трапезной и стояли в ожидании нашего транспорта, Серджо не удержался:

– Россия бэлла! Моска бэлла! – восторженно произнес он, глядя на полную луну, вдруг ярко осветившую раскинувшееся-

ся перед нами монастырское великолепие. Белые храмы с золотыми куполами, ухоженный двор, образованный крепостными стенами с башенками, – все было укрыто сухим на морозе, отдающим в синеву снегом. И такая тишина звенела в этом прелестном уголке нашей древней столицы, что казалось, время здесь застыло в каком-то далеком «надцатом» веке...

– Анатолий, поздравь... Начали заливать фундамент! – как обухом по голове оглушил неожиданной новостью Пискунов.

– Вова, ты с ума сошел?! Прекрати немедленно! – закричал я в трубку.

– Поздно, Анатолий... Почти до «нуля» дошли... Целый день льем... Представляешь, сколько машин вбухали?

– Представляю... Заставь дурака... Хоть не расперло? – спросил о том, что волновало больше всего.

– Нет. Опалубка пока держит.

– Пока... Бетон хоть уплотняли?

– Уплотняли... Одного дундука с вибратором чуть в бетоне ни утопили.

– Как так?

– Да его только спустили вниз, он не успел сориентироваться, а тут сразу два бетоновоза опорожнились. Его и накрыло... Туман, ничего не видно. Мы кричим, а он нас не слышит, вибрирует себе и не видит, что по колени в бето-

не. Прекратили заливку. Вытащили.

– Вы хоть фотографии делали?

– Какие, Толик, фотографии!.. Попробовали на видео снимать, но из-за тумана невозможно.

– Вова, мы говорим о разных вещах. Я говорю о технической съемке... Ладно, завтра приеду, – предупредил его.

С появлением Гарбузова у нас появился «служебный» автотранспорт – старенькая «Волга», которую ему отдал Гарбер в счет погашения долга по зарплате. При длительных поездках в ней можно было угореть. Но и при коротких было неприятно из-за стойкого запаха газа, на котором работал двигатель.

Но делать нечего, надо ехать в Порохово, хотя ясно, что вернусь с жуткой головной болью...

– Ты зачем этого Гарбуза привез? – как обычно спросил недовольный Пискунов.

– Привыкай, Вова... Он теперь наш штатный сотрудник. К тому же он, как мой заместитель, является твоим непосредственным начальником.

– Да пошел он!.. Здесь я начальник, и никто другой.

– Заметно... Что хочешь, то вытворяешь... Ладно, пошли.

– А этот, какого хрена за нами тащится? – увидел он идущего за нами Гарбузова.

– Имеет право... А скоро он здесь вообще поселится с Коробкиным старшим. Кстати, подыщи им подходящее жилье.

– Это еще зачем? Что за дела, Толик? Я не согласен.

– Это приказ... Ты хоть не забыл, что такое приказ, Вова?

– Чей приказ?

– Мой... Коробкин с ним согласен.

– Я не согласен.

– Не влияет, Вова... С твоими двадцатью процентами ты теперь имеешь только совещательный голос. Да и я тоже...

Заметь, по твоей вине.

– Даже так? Только совещательный? А Коробкин?

– Читай устав, Вова. Там все написано, – предложил ему.

Пискунов задумался...

Меж тем подошли к «объекту». Как и ожидал, опалубку кое-где выперло, а, дотронувшись до бетона, отдернул руку – горячо.

– Вова, где Петросян?

– Утром уехал отдыхать. Лили до утра... Завтра будет, а что?

– Вопросов к нему много... Хотя его ответы уже ни на что не повлияют. Поздно.

– Что поздно, Толик? Спрашивай у меня. Что знаю, отвечу, – засуетился кум, почувствовав, что с заливкой фундамента не все в порядке...

– Он хоть знает, что такие объемы заливать сразу нельзя?

– Он специалист. Ему видней. А что?

– Дотронься до фундамента, Вова. Он горячий. Реакция

идет. И там, где не хватает влаги, может треснуть... Грош цена такому фундаменту... Для этого и заливают по слоям. Слои показаны на чертежах... А вы залили одним махом... У вас, вон смотри, опалубку повыпирало.

– Да это ерунда, Толик.

– Ерунда? – рассмеялся я, – Начнется монтаж оборудования, будешь эту ерунду перфораторами и болгарками срезать. Интересно, что тогда скажешь?

– Срежем, если надо будет, – проворчал кум. Его настроение «победителя» падало на глазах.

– И последний вопрос. С какого перепоя вы решили заливать фундамент?

– Да у Петросяна сроки хранения цемента кончились.

– Когда?

– Месяц назад.

– Нормально... На тебе, боже, что мне негоже... Вы хоть образцы для испытаний сделали?

– Откуда я знаю? – сердито ответил кум.

– А должен знать, если взялся за такое дело. Что ж, Вова, спасибо за фундамент. Хорошо бы за год не рассыпался. При вибронагрузках от такого мощного станка запросто.

– Не пугай, Толик.

– Что тебя пугать? Ты здесь смелый с пистолетиком... А вот с головой проблемы, Вова... Принимаешь неграмотные решения. И приказы не выполняешь.

– Какие такие приказы?

– Я же тебе запретил все работы в котловане... Забыл?

– Честное слово, забыл, Толик.

– Вот теперь ребята будут тебе постоянно напоминать...

В общем, пока они ни поселятся в Порохово, никаких работ.

Понял?

– Понял, – мрачно ответил кум...

С утра вызвал Коробкин:

– Анатолий Афанасьевич, есть проблемы.

– У кого их нет, Сергей Львович? – посочувствовал ему.

– Вывел-таки меня из равновесия этот Пискунов...

На ровном месте потерять сто тысяч зеленых!.. Думал, выкарабкаюсь, не получается.

– Да у нас же четыреста миллионов рублей на банковском счете. Это же около восьмидесяти тысяч... Забыли, Сергей Львович? – напомнил ему.

– Помню, Анатолий Афанасьевич... Но те деньги надо тратить разумно. Только, когда без расчетного счета не обойтись... В общем, посмотрел вашу смету, не укладываюсь никак... И выбросить, кроме автомобиля, ничего нельзя.

– Ну, автомобиль подождет. Ездим же на «Волге» Гарбузова.

– Как вы на ней ездите, Анатолий Афанасьевич? Я около нее три минуты постоял, чуть ни отравился. Она что, на газе?

– На нем самом. Вчера приехал из Порохово, всю ночь голова раскалывалась.

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич? Запрещаю вам даже приближаться к ней. Они, говорят, взрываются. А нам вы сейчас нужны как никогда. Что мы без вас делать будем?

– Взрываются они, когда долго стоят в закрытом помещении.

– Да ладно, Анатолий Афанасьевич. Не хватало только взрывов... В общем, надо вам куда ехать, берите мой «Мерс». Через месяц купим что-нибудь... А вот что сейчас делать, ума не приложу... Есть одна мыслишка. Вот только не знаю, как народ отнесется.

– Что за мыслишка?

– Вы были правы, Анатолий Афанасьевич. Погорячились мы с окладами... А что если до начала продаж платить одинаково – по пятьсот долларов, независимо от окладов?.. Нет, штатную зарплату начислять, конечно, надо. Пойдут продажи, тогда и рассчитаемся... Как вы на это смотрите, Анатолий Афанасьевич?

– Думаю, это выход, Сергей Львович... По-моему люди поймут... Все, кроме Пискунова. Вот с ним будут проблемы. С ним в последнее время вообще одни проблемы... Очередная медвежья услуга, Сергей Львович, – и я рассказал ему о том, как был поставлен перед фактом несанкционированного начала строительных работ, и как бестолково были выполнены те работы. Коробкин был в шоке.

– Да это Махно какой-то. Он что, не понимает, что такое запрет вести работы? Это же подсудное дело. Подготовьте

письменный приказ. Я в понедельник туда поеду, отвезу ребят. Заодно вручу ему под расписку, – предложил Коробкин. Я согласился...

Вечером позвонил Пискунову и рассказал о предстоящем визите Коробкина. Попросил найти жилье для наших специалистов.

– А зачем Коробкин едет? Не знаешь?

– Я же сказал, привезет ребят.

– И все?

– Откуда я знаю, все или не все. Ты что, боишься чего-то, Вова?

– Ничего я не боюсь, – раздраженно ответил он и положил трубку...

Прямо с утра пригласил Коробкин. Вошел в кабинет и обомлел: на меня с улыбкой смотрел Пискунов.

– Как ты здесь оказался? – спросил его. За него ответил Коробкин:

– Анатолий Афанасьевич, тут Владимир Александрович вышел с предложением по жилью в Порохово. Пожалуйста, – предоставил он ему слово.

– Да что тут говорить... Ребят я конечно размещу. Но если мы хотим работать, как положено, должны быть созданы условия... В центре Порохова сейчас сдается элитный пятиэтажный дом. Мне кажется, нам надо купить там несколько квартир.

– Сколько, Владимир Александрович, и каких? – спросил Коробкин.

– Как минимум три. Одну, трехкомнатную, для директора Пороховского завода Пискунова, и две двухкомнатных для специалистов и руководства, – выдал Пискунов.

«Ну и аппетит», – подумал я и, не удержавшись, спросил кума:

– А тебе, Вова, зачем квартира в Порохово?

– А как же?.. Вы с Сергей Львовичем в деревне не жили. А директор завода Пискунов должен ежедневно отрывать примерзшую к подушке голову. Потом, дрожа от холода, растапливать печь, и еще с полдня колоть лед и разгребать снег, чтобы выехать на работу. Когда же работать?

«Бедный Йорик с оторванной промерзшей головой», – мысленно рассмеялся я.

– И так круглый год? – спросил кума.

– Круглый год, – в запале выдал тот.

– А зачем выезжать на работу, если можно минут за десять спокойно дойти пешком. Полдня можно сэкономить, – подсказал куму выход.

– Э-э-э, Толик... Не знаешь ты сельского менталитета. Даже если директор живет рядом, все равно надо ехать.

– Ну, тогда надо покупать, – сказал я, твердо зная, что денег на покупку квартир у Коробкина нет.

– Спасибо за поддержку, – незаметно для Коробкина пожал руку Пискунов.

«Бедный Йорик», – не выдержав, рассмеялся вслух...

Ночью разбудил телефонный звонок:

– Узнал, кто звонит?.. То-то же... Можешь поздравить. Фундамент залит полностью. Только что закончили... Сюрприз к приезду Коробкина... Так что пусть ребят не привозит. Так ему и передай.

– Непременно передам, – ответил ему и положил трубку.

Утром зашел к Коробкину:

– Сергей Львович, нет слов.

Едва взглянув на меня, Коробкин все понял:

– Пискунов?

Я кивнул головой. Помолчав, добавил:

– Довел-таки свою медвежью услугу до логического конца.

Если бы знал, как ошибался, думая, что это все.

Глава 28. Нексия раздора

Всего две недели выдержали Коробкин и Гарбузов в командировке в Порохово. Вернувшись, Владимир Львович уехал на неделю к семье в Питер, а Сергей с радостью занял свой стол, который мы с Котельниковым переставили в мой кабинет.

– Знаешь, Толя, а я понимаю Пискунова... Во всяком случае, на его месте поступил бы так же, – без всякого предисловия вдруг заявил Гарбузов.

– Странно, Сергей Иванович, – впервые назвал его по имени и отчеству, – Для этого вывода тебе надо было съездить в командировку?.. Что же ты там такого разглядел, что согласен с самовольными действиями некомпетентного директора?

– Да нет, Толя, я не совсем точно выразился. Просто понимаю, почему он именно так поступает вообще.

– Ну и почему?

– Видишь, Толя, мы с ним по гороскопу Раки, – начал Сергей, невольно развеселив настолько, что не смог сдержать улыбку:

– И ты, Сережа, веришь в эту галиматью? – спросил его.

– Напрасно ты так к этому относишься, – вполне серьезно продолжил Гарбузов, – Мне самому все это сперва показалось галиматьей... А присмотрелся, слишком мно-

го совпадений... Взять, того же Пискунова... Да он не может ни рваться к власти. Для нас, Раков, это самая сильная страсть... Единственное, что плохо, большинство Раков патологически плохие управленцы.

– Думаю, не только Раки, Сережа.

– Согласен... Но гороскопы, Толя, это вековые наблюдения... А со статистикой не поспоришь... По себе чувствую. Помнишь, как с Чебурашкой за должность сражался? Топил его по-черному. И ведь понимал, не нужна она мне. Не справлюсь... Но Рак есть Рак. Зависть и ослиное упрямство сделали свое дело... Хорошо, не вышло. Плюнул, ушел с предприятия. И опять все то же: что ни создам, все проваливаю... Вот в шоферах оказался на месте. Но за тобой, Толя, наблюдал с интересом... И сейчас наблюдаю... Черная зависть... Рак все-таки, – улыбнулся, наконец, Гарбузов...

В обед услышанным от Гарбузова поделился с дочерью, которая чуть ни ежедневно следила за гороскопами и даже зачитывала что-то из газет. Я слушал ее прогнозы о небывалом финансовом успехе, который, якобы, ждет меня в ближайшее время, и смеялся.

– Вот, папа, ты не веришь, поэтому и не сбывается, – убеждала дочь.

– Но ты же веришь, а у тебя тоже не сбывается, – оппонировал ей.

– Значит, недостаточно верю, – оправдывалась Светланка,

и продолжала надеяться...

Выслушав меня, дочь ничуть не удивилась:

– Да я это давно знаю. Мы даже с Котельниковым обсуждали, что слишком много у нас Раковых... Туго тебе придется, товарищ директор.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – рассмеялся я.

– Как знать... Не хотела тебе говорить, но, – посмотрела на меня дочь, – Целый заговор против тебя, – сказала она и замолчала.

– Да ладно, Светик, придумаешь такое, – не поверил дочери, – С чего ты взяла?

– Ежедневно слышу. Они уже открыто говорят, не стесняются.

– Кто и что говорит? – насторожился я.

– Да твой любимый Ганич, – сердито сказала дочь, – Уже с месяц всех убеждает, что ты не можешь быть директором. Слишком мягкий. Поэтому тебя Пискунов игнорирует... А вот сам Пискунов другое дело. Он сможет все организовать как надо.

– С чего он взял? Он же ничего не знает, – невольно возмутился я.

– Вот и ребята так сказали, причем все.

– Ну вот, видишь, – попробовал успокоить дочь.

– А сейчас Ганич другое придумал. Теперь он Гарбузова видит директором.

– Гарбузова?

– Сергея Ивановича... Вот это, говорит, настоящий директор.

– Да пусть говорит, – махнул я рукой.

– Да ты что, папа? – возмутилась дочь, – Емельянов уже обеими руками «за». Ты, говорит, хороший инженер, а руководитель так себе. Мы, говорит, это не раз на партсобраниях обсуждали в РКК «Энергия»... Взял ты его на свою голову, папа.

– Действительно, – возмутился я откровенной лжи сослуживца.

– Что плохо, Коробкин старший все на ус мотает... Может и Сергея Львовича убедить, – предположила дочь.

– Выбрось из головы... Сергей Львович хоть и младший, но соображает лучше брата. Он знает, кто чего стоит... Пусть говорят. Начнется работа, будет не до разговоров, – ответил ей...

Я никогда не боялся конкуренции, чувствуя себя на голову выше любого из окружавших людей. Так было в РКК «Энергия». Так было и здесь, на предприятии, которое еще только рождалось, но которое было плоть от плоти моим детищем и ничьим другим.

«Пусть говорят», – решил я и надолго забыл о мнимой проблеме...

Меж тем офис бурлил в преддверии долгожданного визита наших «специалистов» в Италию. На стене появилась

большая карта Европы, у которой постоянно видел, как минимум, одного сотрудника, тщательно изучающего район Венеции. Суетился Ганич, заполняя какие-то анкеты и собирая фотографии и паспорта.

И вот однажды пришел в офис и поразился небывалой тишине. На своем месте были лишь Светлана и Петр.

– Уехали?

– Только что, – ответил Котельников.

– А где Ганич?

– Поехал провожать.

Часа через три вернулся возбужденный Ганич:

– Ну, слава богу, все в порядке, Анатолий Афанасьевич.

Улетели без приключений. Устал я за эти дни. Вымотался... Поехал домой, отдохну пару дней, – сам того не подозревая, бросил Паблик Рэлэйшн вызов моему самолюбию.

– Виктор Федорович, зайдите, пожалуйста, – пригласил его в кабинет, решившись на серьезный разговор.

– Ой, мне некогда, Анатолий Афанасьевич. Выйду на работу, тогда поговорим, – заторопился он.

– Вольному воля, Виктор Федорович, – ответил ему, – Отдохнете, приходите за расчетом. Собственно, больше нам не о чем говорить, – сказал я больше на публику и ушел в кабинет.

Буквально тут же раздался стук в дверь:

– Разрешите, – вошел Ганич, – Вы извините, Анатолий

Афанасьевич, я готов с вами поговорить.

– Какое счастье! – не удержался я от сарказма, – Этот разговор нужен вам, Виктор Федорович, а не мне. Ладно, уж. Проходите, садитесь, – пригласил его.

– Я понимаю, Анатолий Афанасьевич, что поступил неверно. Каюсь. Приношу свои глубокие извинения. Но так сразу увольнять? Честно говоря, не ожидал от вас, – начал он.

– А чего вы от меня ожидали? Что проглочу оскорбление?

– Какое оскорбление, Анатолий Афанасьевич? Что вы такое говорите? – в недоумении посмотрел на меня Ганич.

– Самое неприкрытое. Вы нагло заявляете директору, что прогуляете пару дней и при этом отказываетесь от разговора с ним. Что это, как ни вызов?.. Какой руководитель такое стерпит?.. И Пискунов, и Гарбузов вас немедленно бы уволили. И правильно сделали, будь они руководителями. Вы этого достойны.

– Анатолий Афанасьевич, извините, я не подумал, – испугался, наконец, бывший журналист-международник.

– Очень метко сказано, – продолжил я, – А надо бы думать, Виктор Федорович, когда говорите с такими людьми, как Пискунов и Гарбузов... Зачем вы их обнадежили? Зачем вы разлагаете коллектив сомнениями в правильности моего руководства?.. Кто вы такой?.. Кто вам дал право судить об этом вслух?.. Чем вы занимались всю вашу жизнь? Собирали сплетни и публиковали в газете?.. Вы хоть проверя-

ли, о чем писали? Наверняка... Но то была ваша профессия. Вы поступали так, как вас учили... Так вот. Моя профессия управлять людьми, решающими технические задачи. Меня этому учили, как вас журналистике. И я был неплохим учеником. В РКК «Энергия» я создавал новые направления работы и подразделения, которые ту работу успешно выполняли.

– Я не сомневаюсь, Анатолий Афанасьевич, вы как-то рассказывали об этом.

– Думаете, мне было легко? – продолжил, не обращая внимания на его слова, – Я продирался сквозь чащу непонимания и откровенной зависти к моим успехам. Это было на гражданке... А в армии я командовал вооруженными людьми, руководил боевым расчетом, готовившим пуски космических ракет. Как вы думаете, я умел командовать, если за время службы по этой части имел только благодарности?

– Думаю, умели.

– Так что же вы, журналист, делаете скоропалительные выводы о том, в чем не разбираетесь?

– Вы извините, Анатолий Афанасьевич, но мы именно так всегда работаем. Наша задача обозначить проблему, а как она будет решена, не наше дело.

– Прокукарекал, и трава не расти?

– Именно так.

– Вы знаете, Виктор Федорович, вы разочаровали меня

не только как личность, но и в журналистике в целом, – Ганич молчал, опустив голову, – Что же с вами делать?

– Дайте мне шанс, Анатолий Афанасьевич. Не увольняйте, – едва ни плача, попросил вдруг взрослый человек, старше меня по возрасту.

– Идите, Виктор Федорович, домой. Завтра жду вас на работе, – объявил ему свое решение.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич, – радостно подхватился он...

Прямо с утра Ганич зашел ко мне:

– Анатолий Афанасьевич, где бы мы могли поговорить без свидетелей?

– В моем кабинете.

– Да нет... Так, чтоб нам не помешали.

– А кто нам может помешать?

– Да мало ли.

– Да я просто закрою дверь на ключ, а Светлане скажу, чтобы не беспокоили.

После некоторых колебаний Ганич согласился. Что за странные игры в таинственность? Вроде бы вчера наговорились вдоволь. Я терялся в догадках, а Ганич меж тем достал из портфеля бутылку коньяка и начал вынимать бутерброды. Ну и ну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.